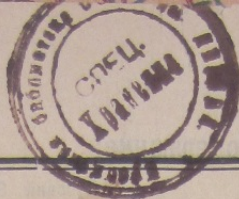

Шк 8/69

of II-1431

A 1784

№ 31 ИЮЛЬ 1922 г.

ЦЕНА 15 Ц.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
- ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ.

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

Содержание:

Наши Ближайшие Задачи
Анархисты в Русской Рев.
Идеал в Революции.
Социализм в Истории, Теории
и Практике.

Русский Эксперимент.
Анархическая Революция,
Геройство Германского Прав.
Еще о Конгрессе.
Резол. Гр. А. К. г. Нью Йорка

— 0 —

ОТЧЕТ РЕД КОЛЛ.

от 1-го июня по 1-ое июля.

За „В.“ Б-ре	31.20
Д-т	9.15
„ в фонд	1.50
Чл-го	24.00
S. G. в фонд	1.00
Ч-го в фонд	2.00
И. Фрид. в фонд	3.00
Бал-т в фонд	3.00
Тов. Горд. в фонд	2.00
Гор-д	11.00
Вел-д	11.40
Ф. Сити	31.80
Н. Фолс в фонд	1.40
Н. Брайтон в фонд	5.00
Фил-длия для №1	7.50
„ „	5.70
„ „ №2	12.75
С. Беллегем	6.60
Л. Анж-лос	1.50
А. Б. Аранбург	1.00
Елиз.	13.20
И. П. Брот.	3.50

Итого	189.20
А Изв.	10.00
Итого	24.85
За В. Г.:	
Д-т	.90
Вел-д	4.60
Ф. Сити	3.20
Н. Бр. в фонд	5.00
Итого	13.70
Помощ Анар:	
Через А. Из.	35.25
Гар-д	7.00
Н. Бр.	35.00
Об'ед. тов. Фил-длия	6.75
Медисон	22.67
Итого	106.67
Издание Ж. в Герм.:	
И-го	53.00
Вел'д	8.00
Фил-длия	28.75
Итого	89.75
Общий приход:	
За „В.“	189.20
„ литературу	24.85

За литературу:

Кл-лонд	12.85
Н. Бройтон	2.50
„ В. Г.	13.70
Помощ Анар.	106.67
Издание Ж. в Гер.	89.75
В кассе на 1-ое июня	597.81
Итого	1.022.01

Расход:

Печатание и бумага	100.00
Набор	30.00
Машины	30.00
Упаковка и пересылка	23.15
На изд. F. S.	100.00
Итого	283.15
Общий приход	1.022.01
Общий расход	283.15

В кассе на 1-ое июля 738.86

Прим.: в последних отчетах вкратце небольшая неточность благодаря неправильности счисления. См. номера „В.“ 28 за „В.“ и 30 F. S. и В. Г.

Ф. С. М.

Отчет Группы А. К. г. Т-то К-да.
от 16-го Июля 1921 г. по 1-е
Мая 1922 года.

Приход за Литературу:	
Из В----д	7.50
„ „	5.45
„ Г----н	12.95
„ „	8.15
„ „	7.90
„ „	5.00
„ К----р	4.80
„ В----г	55.00
„ Т----то	63.19
Итого Приходу	169.94

Расход

Экспресс	1.00
Выслано в Р. К-ию	7.85
Пересылка и обмен денег	2.35
Почтовые расходы	3.00
За помещение	16.50
Перевоз Литературы	1.00
Выдано тов. Ж.	25.00
Проезд тов. Б. до Лондон	1.00
Итого Расходу	52.20
ПРИХОД	169.94
РАСХОД	52.20
В Кассе на 1-е Мая 1922 года	
	\$ 117.74

Ревиз. Комм. И. С. и М. Х.

Отчет по изданию брошюр:

Русс. револ. и Анархизм.
Набор и печать в количестве 5.000 экз. всего \$280.00 Исполнено при печати и обложке \$50.00
Примечание. Просим тов. всех районов, получивших таковую брошюру, по распространении таковой присылать деньги по назначению в виду того, что на издание бр. деньги были взяты в имущественно у тов., которые сдает им вскорости возвратити
Комм. по изд. Д. и Н. М.

Рос 4-4
1-624

A 1794

НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ.

В рабочей печати различных оттенков и на собраниях все громче и настойчивее раздаются голоса о необходимости идти в рабочие массы, вести широкую пропаганду среди них, создавать массовые рабочие организации, словом сделать все возможное, что-бы не только приостановить заметный теперь процесс упадка рабочего движения в Соед. Штатах, но расширить и вдохнуть в него свежие струи революционного духа.

Палмеровская волна погромов сделала свое черное дело, и заставила все живые революционные элементы укрыться в подполье. Широкие рабочие массы, таким образом, оказались изолированными от своих более передовых, боевых товарищей. Во многих случаях между теми и другими утрачивалась всякая связь, или была недостаточно крепкой, что-бы помешать и задержать распадение той или иной массовой организации.

Это в свою очередь породило среди рабочих масс, только что начавших свое революционное воспитание, разочарование, апатию и безразличное отношение ко всему тому, что не особенно давно воодушевляло их и возбуждало надежды на скорое уничтожение экономического и политического рабства. И теперь надо признать, что в переживаемом американским рабочим движением моральном кризисе вина падает не только на все еще царящую в стране реакцию, или на неудачный оборот, который приняла российская революция, но она отчасти ложится на всех революционеров, которые принуждены были уйти от масс в подполье, в целях самосохранения, и которые во многих случаях предпочитают оставаться там и по сей день, несмотря на то, что такое прятание не всегда вызывается настоятельной необходимостью.

Вникнем, товарищи, в то, что произошло после палмеровского погрома и мы увидим, что не массы побежали из организаций, а передовой элемент ушел от них, хотя и не по своей доб-

рой воле, предоставив их самим себе. Результат такого разединения получился печальный. Многие из организаций распались, некоторые — придали своей деятельности нежелательные для анархического движения направление, или утратили всякую ценность как организация. Провал революции в России несомненно оказал деморализующее влияние на рабочие массы, в большинстве своем не отдающие себе отчета о вызвавших его настоящих причинах.

Является, следовательно, очень необходимым рассказать массам об этих причинах и разъяснить им невозможность создания какого-бы то ни было свободного общества с помощью государства и других способов, предлагаемых большевиками и другими социалистами. Надо указать массам, что с самого зарождения марксистского учения до последнего времени анархисты Бакуни, Кропоткин и другие все время доказывали непригодность государственного социализма в роли пересоздателя общественного порядка и на его порабощительские тенденции, обнаружившиеся во всей своей отвратительной наготы во время революции в России.

Рабочие массы, обыкновенно всю ответственность за последствия российской революции сваливают на революционеров всех течений и готовы обвинять в провале революции не только его истинных виновников — большевиков, но и анархистов, которые с момента начала ее и до настоящего времени стоят на страже интересов революции и на которых за преданность революции обрушилась вся тяжесть красной реакции.

Не всегда разбираясь в сложных и искусно запутываемых ловкими политиканами вопросах экономики и политики, широкие рабочие массы останавливаются за пределами организации, не имеют возможности уяснить себе смысл тех или иных общественно-политических явлений, и как бы бредут в потемках, не зная чему верить, где правда и где ложь, с кем идти, а кого

оберегаться, чего хотеть и к чему стремиться,

Надо отметить тот печальный факт, что уход в подполье, если спас или спасает ядро анархического движения, то с другой стороны он самым неблагоприятным образом отражается на массовом, революционном движении. Мы теряем и от нас отходят рабочие массы, их революционное воспитание задерживается, они остаются политически безразличными, и при таком состоянии умов представляют — необработанный материал, которым может воспользоваться любая политическая партия для достижения своих властолюбивых и корыстных целей.

Насущнейшей задачей момента является поэтому нахождение путей и восстановления связи с широкими рабочими массами, создание массовых организаций, большой рабочей печати и самой широкой пропаганды анархо-коммунистических идей. Существующие в настоящее время в Соед. Штатах политические условия таковы, что не может быть и речи о ликвидации подпольного анархического движения. Республиканская администрация Гардинга, так же как и Вильсоновская, не скупа на депортации и всевозможные преследования анархистов и их свободного слова. Анархические подпольные группы надо во что бы то ни стало сохранить, но в то же самое время надо развить и поставить более широкую легальную работу и подойти ближе к массовому рабочему.

Прежде всего надо помнить, что пересоздание общества на анархических началах только в том случае может рассчитывать на успех, если оно будет насаждаться не сверху вниз, т. е. навязываться анархистами ничего несмысленному в анархизме населению страны, а самими народными низами, видящими в анархизме единственный путь к освобождению и сознательно стремящимися к проведению в жизнь этого идеала.

Если мы не разовьем более широкой деятельности в рабочих массах, то этим только сыграем на руку социалистам-государственникам, предоставив им беспрепятственно воспитывать их на свой государственный манер. Успешные от масс в подполье коммунисты уже спохвати-

лись, или вернее Третий Интернационал вытащил их за уши на свет божий и заставил вести легальную работу. Они теперь создают еженедельные и еженедельные газеты, пролезают в проф. союзы и делают попытки завоевать утраченное ими влияние,

Нам более чем когда-бы то ни было необходимо пропаганду анархического коммунизма противопоставить государственно-коммунистической пропаганде и этим предупредить рабочие массы Америки от повторения ошибок, допущенных во время революции в России, и направить предстоящую Социальную Революцию по анархическому руслу.

Разрушение прогнившего капиталистического строя не за горами. Он может быть свален дружным напором революционных сил в любое время, и нашей задачей является собрать революционную армию, готовую обрушиться на угнетателей и поработителей. Вместе с подготовкой Социальной Революции, т. е. к уничтожению капитализма и власти нам предстоит еще более важная задача — создания нового, свободного общества.

Из истории революций в разное время и из недавнего опыта в России мы знаем, что самодержавие и буржуазный строй не являются какими-то неприступными твердынями и рушатся при первом, сильном напоре. Но мы также знаем, что разрушение того или иного общественного порядка не всегда приводит к освобождению трудовые массы от экономической и политической зависимости. Угнетенные массы много раз восставали и свержали своих поработителей, но ни в одном случае не могли воспользоваться сами своими завоеваниями, и таковые использовывались в интересах других общественных групп или классов: буржуазии напр. во Франции и марксистской интеллигенции в России.

Призывая рабочие массы к Социальной Революции анархисты-коммунисты имеют в виду такой социальный переворот, при котором будет исключена всякая возможность нового наддуательства трудящихся масс и закабаления их новым господам в той или иной форме. Не

отрицая важности массовой организации, как органа разрушения, надо, однако, обратить внимание на необходимость сохранения и создания многочисленных, хорошо спаянных и устойчивых в своих убеждениях анархо-коммунистических групп, которые в период революции стояли бы в первых рядах ее, могли бы придать ей анархическое направление и помешать всяким попыткам социалистов-государственников воскресить или оживить разрушенные формы государства и власти.

Надо быть готовыми не только к свержению капитализма и Социальной Революции, но и достаточно сильными, что-бы одержать победу над социалистами-государственниками, которые, будучи заинтересованными в сохранении своей власти над пролетариатом, несомненно попытаются проделать в каждой стране все то, что большевиками проделано во время революции в России.

Успех анархической революции поэтому находится в значительной степени от создания массового рабочего движения, широкого распространения, как устного, так и печатного анархических идей и создания возможно большего числа чисто анархо-коммун., принципиально устойчивых групп, которые, являясь верными стражами анархии и ее идейными вдохновителями и борцами, не дали-бы увлечь Социальную Революцию в направлении, которое попы-

таются придать ей социалисты-государственники, и затем, что-бы эти группы были подготовлены и способны показать превосходство переустройства общества на началах анархо-коммунизма перед всеми другими учениями и теориями.

Иначе говоря, осуществление анархо-коммунистического идеала ставится в зависимость от друг друга дополняющей деятельности в двух направлениях: легальной, массовой работы, охватывающей все большие круги рабочих, являющихся сторонниками анархического учения, и подпольных групп, создаваемых из числа членов легальных организаций, доказавших свою преданность анархо-коммунистическому движению. Таким образом массовые организации нужны для создания новых и пополнения уже существующих анархо-коммунистических групп, а последние нехободимы для создания массового рабочего движения и направления его по анархо-коммунистическому пути.

В целях же самосохранения и ограждения от разгрома анархических сил необходимо существование подпольных групп, которые, однако, не должны отгораживаться от массового рабочего движения, а всемерно стремиться к его поддержанию и расширению его. И только так возможно большего числа анархо-коммунистических групп.

АНАРХИСТЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*)

В 1920 году реакция „слева“ свирепствовала во всю.

Опираясь на внешние фронты, большевики-коммунисты раздвигались внутри со всякой свободной мыслью, со всяким независимым словом. Все свобододлюбивые душились и запирались. Все возмущавшиеся беспощадно растерливались.

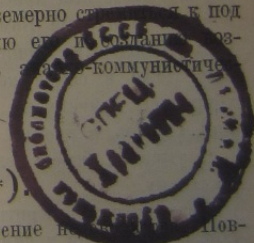
На Украине и в Сибири шло кровавое истребление.

*) Часть большого труда под тем же заглавием, присланного автором для брошюры, к изданию которой приступлено в Южной Америке. (Прим. Ред. Кол.

режение всякого выявления недовольства. Повстанческая масса, бывшая все время в боях, теперь потребовала с оружием в руках, отчета за содеянное большевиками-коммунистами и их сотрудниками в деревнях и в городах. Они также потребовали выполнения „октябрьских“ обещаний.

Но прессы не было. Все революционные организации были разгромлены. Все революционеры спрятаны под замок, или скрывались. Почти вся легальная работа анархистов заглохла.

Но, несмотря на все ужасы репрессий, уси-

ленная действенная анархическая пропаганда велась всюду, даже в самых глухих местах России. Даже низы коммунистической партии были задеты анархической пропагандой. Низы, честно верившие в возможность осуществления коммунизма сверху, думавшие что можно быть у власти и не узурпировать ее, быть членом органа удущения и не обюрократиться, быть участником государственной машины и не „окаммиссариться“, — были разочарованы все, что они видели и знали в действительности. И в партии коммунистов-большевиков началось брожение. Оппозиция назревала. Из партии бежали все, кто только был честен и имел смелость сделать это. Но все члены Р. К. П. были мобилизованы и выход из партии, в это время был связан с большими неприятностями. Не только выход, но, даже, оппозиция беспощадно преследовалась.

Наиболее яркий и характерный пример это — высылка из Украины всего Центрального Комитета Коммунистической Партии Украины, бывшей в оппозиции к „Москве“, несмотря на то, что этот Центральный Комитет был избран на Всеукраинском съезде Компартии Украины. На его место был прислан назначенный „Москвой“ Центральным Комитет во главе с известным Яковлевым (Эпштейном). Все недовольные, даже в самой коммунистической партии, убегались в места не столь отдаленные: Мурман, Сибирь, а иногда....

О тысячах более мелких фактах и говорить не стану.

После этого говорить о положении анархистов и отношении к ним власть имущих не приходится. Разгул власти был самый ужасный. Преследовались не только анархисты, работавшие активно в пропаганде, но и культурные работники и практики. Не оставались в покое и свободные коммунисты, артели и т. п., желавшие сохранить, хотя бы, какую-нибудь независимость.

Даже мирные анархисты, последователи Толстого, зверски преследовались. Сотни из них сидели по тюрьмам, а 92 человека были расст-

реляны большевиками-коммунистами. Документы, подтверждающие вышесказанное я видел у Черткова. Многие коммуны мирных анархистов (в Смоленской губ., и др.) были разгромлены ими окончательно за неподчинение декретам, или отказ от продовольственной развертки.

1-го октября 1920 г. последователь Толстого, мирный анархист Сергей Попов, случайно попал на доклад товарища Волина в Москве, был арестован вместе с другими анархистами. Нужно сказать, что Сергей Попов вегетарианец не едавший, даже, яиц и молочных продуктов. И вот этого анархиста, опасного врага советской власти, „кувырканьем“ через „парашу“, на руках „носили“ на допрос и т. д. и т. п. Его, беспаспортника, еще в николаевское время отказавшегося брать оружие в руки, и даже никогда не злящегося, продержали в Внутренней тюрьме при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 37 дней, хотя большевики-коммунисты и, вообще, все радикалы в Москве знали его и его взгляды очень хорошо. Уже в 1921 году, в 1-м Строительном Институте, в Москве, студенты-коммунисты арестовали Сережу вместе со мной как контр-революционера и обвинили его „в призыве к вооруженному свержению советской власти“!!

Толстовец, призывающий к вооруженному восстанию!!! Достоин коммуниста!

В украинских деревнях ходила поговорка: „При большевиках даже лошади и коровы стали контр-революционерами?“

Мне часто приходилось беседовать с апостолами мирного сопротивления и те ужасы, которые я от них слышал, приводили меня в содрогание.

Не лучше, понятно приходилось и каким бы то ни было анархическим начинаниям. Коммуна в Харьковской губернии, где я работал вместе с другими старыми товарищами анархистами, прямо грабилась и разрушалась. Помню всех неприятств в получении помощи и какой либо поддержки, нас чека часто удостоивала своими визитами, а официальные и официозные органы делали все возможное, чтобы доб-

революльная коммуна прогорела и превратилась в „советское хозяйство“. В конце концов, за отказ дать бесплатно жене товарища председателя Харьковского Губернского Исполнительного Комитета 3 мешков яблок, председатель Уездного Исполнительного Комитета сделал налет на коммуны, разругал нас всех и заявил, что в „Российской Социалистической Федеративной Советской Республике добровольных объединений быть не может“, что „Россия страна коммунистическая и все должны подчиняться центральной власти“, хотя, по утвержденному губернским земельным отделом уставу, мы являлись добровольным объединением. Сбор фруктов был задержан и урожай гнил в саду, несмотря на то, что весь урожай был запродан в переработанном виде (варенья и повидла) государственным органам. Варочная стояла. Фрукты грабили и растаскивались официальной охраной. И наконец, сам земельный отдел забрал 125 пудов фруктов...

Терпение наше больше не выдержало. Я с другим товарищем побывали у Заместителя Народного Комиссара Земледелия Викторова и представили ему, по его просьбе, доклад обо всем происшедшем. Но, понятно, все осталось как и было, за исключением обещаний. Когда же, по указанию Викторова, потребовали оплату за взятые незаконно фрукты, то ни в одной книге не оказалось даже указания об их получении. И..

Много ярких картин бесшабашного башибузукства по отношению к свободным организациям и коммунам можно было бы дать. Разгон вооруженной силой, вплоть до открытия огня из пушек по коммунам в Гуляй Польском Районе и т. и т. д. практиковалось очень часто. Но об этом в другое время.

Всякое предприятие анархистов преследовалось беспощадно.

Ни школы, ни артели, ни коммуны, ни малые бы то ни было другие предприятия, мало мальски свободные, существовать не могли.

Вышеприведенные несколько фактов настолько характерны и показательны, что говорят сами за себя. После этого, мне кажется, не

приходится уже говорить, что приходилось переживать и переносить революционерам, анархистам, делавшим хоть чтонибудь, Легального анархического движения ни в России, ни на Украине больше не было. II и III конференции Конфедерации анархистов Украины „Набат“ были нелегально. Анархическая пропаганда велась повсюду нелегально, или полунелегально. Анархическая пропаганда велась почти во всяком рабочем предприятии и в большом количестве деревень России, а особенно Украины. Не было почти предприятия, где бы не было анархиста. Неорганизованные, несвязанные между собой и преследуемые за то только, что они — анархисты, многие часто заявляли себя беспартийными. Уже в 1921 году в Москве, я следил за Всероссийским съездом Центральных объединений Профсоюзов и оказалось, что на каждом съезде были анархисты и сочувствующие. Но по „некоторым“ причинам не имели возможности ничего делать и заявляли себя беспартийными. Коммунистические ячйки зорко следили.

Описывая все это, временами, становится страшно. Не поверят, что я говорю только правду и описываю картины из действительной жизни.

Но, к великому сожалению, я ничего поделать не могу. Как ни больно, как ни охватывает ужас при одном воспоминании обо всем этом, но это факты (хотя я даю один из тысячи) и факты, которые не вычеркнешь из российской действительности. Это — горькая, ужасающая, но — действительность. В России таким явлениям перестали удивляться.

Но все это делалось на поверхности, там где жизнь сталкивалась с властью. А в глубине жизни шла своим потоком глубокая работа. Мелкими ручейками текла, по всем направлениям необъятной России, анархическая работа.

Глубокая серьезная работа продвигалась самими массами, ушедшими в свои беседы, в свои обсуждения, в свои разборки, в свои исканья.

Опять только несколько примеров. Жажда книги, жажда знания, жажда разобраться в со-

бытиях была настолько велика и сильна, что во многих деревнях, летом, после невероятного дня работы, многие крестьяне, из молодежи особенно, усаживались с копящей лучиной за книгу и часами слушали ттеца с захватывающим интересом. В Киевской губернии мне приходилось видеть анархические журнальчики побывавшие в трех уездах. Даже я, уже с трудом разбирал растертую печать, а деревенская молодежь зачитывалась этими журнальчиками. В украинской деревне я находил простых крестьян, перечитавших всю анархическую литературу на русском языке вплоть до Штирнера и Тукера и разбиравшихся в теориях не хуже, если не лучше, завзятых политиков. Одна, хотя бы, Махновщина на Украине, показывает, что массы, не только стихийно, но более или менее сознательно, стремились к другой лучшей жизни без хозяев, капиталистов и помещиков, без правителей и без власти. И поэтому большевики-коммунисты и белогвардейцы так жестоко расправлялись с ними и так ненавидят украинских рабочих и крестьян и по сей день. Я смело берусь утверждать, что ни одно правительство на Украине не может быть и не сможет быть, еще долгое время, спокойно за свое существование.

Мне лично, будучи секретарем Бюро Анархистов Донецкого Бассейна, в Екатеринославе в 1918 году, пришлось вести переписку и быть связанным с 1400 деревнями.

Какое разнообразие интересов и вопросов! Какая жажда знания, света! А особенно какая жажда разобраться в путях, методах и подходах к новой жизни! Какое желание творить!

Театры, библиотеки, всякого рода культурные предприятия влекли к себе украинскую деревню. Стремление к созданию новых школ, к организаций, коммун, к созданию добровольных объединений для разных целей и жажда понять пути для осуществления новой свободной жизни проглядывали в каждой беседе с их делегатами, в каждом их письме.

Этот интерес к общественной жизни и жажда знания, жажда разобраться в событиях тильны

и по сей день, несмотря на все море крови, пролитое коммунистами-большевиками.

Даже в 1920 году на Украине, особенно в Донецком Бассейне, шла усиленная саморбота рабочих и крестьянских масс. В угольных районах рабочие забирались в шахтах подальше от „коммунистических“ глаз и за анархической книжкой обсуждали, „как строить жизнь на свободных началах.“ Коммунистические ятей ки отбирали, обыкновенно у рабочих всякую анархическую брошюрку.

В нескольких местах бывал даже неофициальные совещания представителей рабочих и ближайших крестьян, на которых обсуждались практические вопросы строительства новой жизни: товарообмен между городом и деревней, свободные советы, рабочие союзы и т. д. и т. п. В некоторых местах были даже выработаны целые программы. Смешные, кораво написанные, но глубоко продуманные и с серьезностью составленные.

Некоторые из этих программ, я видел лично.

В Донецком Бассейне были целые партийные комитеты коммунистов из рабочих, и даже целые коммунистические организации, состоявшие из анархистующих. К сожалению, по известным причинам, не могу дать ни одного примера.

Донецкий Бассейн, состоящий только из трудового рабочего элемента, настолько сильно „заражен“ анти-авторитарными и свободными тенденциями, что ни Троцкий, ни Ломов, ни Джерджинский, со всеми своими карательными мерами (высылка на север, переселение, аресты, штрафы и т. д.) не могли до последнего времени установить „коммунистический порядок.“

Такое же направление было и среди рабочих в городах.

Только те из анархистов, кто стоял в стороне от трудящихся масс, или занимались бумагомарательной саморекламой не выдали этой глубокой работы в массах.

Эти товарищи „слона то и не приметили.“

Я не думаю этого явления переоценивать.

Я хорошо знаю, этот интерес к строительству новой жизни на безгосударственных началах, не закрепленный идейно, заглохнет. Но интерес к строительству новой жизни и жажда понять и творить эту жизнь была и есть.

Глубокая работа шла среди рабочих в городах.

Рабочие организации были „огосударствлены“, омертвлены и рабочие разбежались из них. От рабочих организаций же осталась только внешняя мишура, тем паче, что „государству“ все это ничего не стоило, и официальные „представители“ союзов в России могли говорить об „организации“ рабочих и от имени рабочих.

Об организации же самых рабочих масс и для рабочих масс... Об этом говорить не приходилось. Их не было и нет со времени знаменитого их огосударствления.

Но **организованность** у рабочих осталась. Она перешла в свое должное место: в **производство**. Рабочие организовались на работе по производствам. Без помощи официальных организаций и против их воли даже, они проводили грандиозную боевую работу по самозащите, себя и своих интересов, от посятательств и государственного и частного капитализма. Забастовки были тысячами и иногда обхватывали целые города и области с миллионной рабочей массой. Забастовки, **против воли** „огосударственных“ профсоюзов и большевистских советов, где действовали часто пулеметы и т. п., которые длились не неделями, а месяцами.

Харьков в конце 1920 года, Москва, Петроград и десятки других городов в феврале—марте 1921 года, служат неопровержимым доказательством вышесказанному. Будущему историку рабочего движения и истории революции в России придется не мало поработать, хотя бы, над забастовочным движением этого периода.

Все культурно-просветительные организации и общества были также взяты социалистическим государством в свои руки. Были устроены шикарные буфеты, сцены, все, что можно пожелать, но... под контролем коммунистов-большевиков. Но рабочие имели и свои „клубы“,

свои организации. И характерно, — что в этих маленьких нелегальных рабочих „клубах“ бывали и рабочие-коммунисты.

В этих импровизированных рабочих клубах рабочие разбирались в интересовавших их вопросах. Еще больше. В одном из больших городов (по понятным причинам не называю его) по всем железнодорожным линиям этого района, инструктора, часто коммунисты, развозили „инструкции“ и анархическую литературу. Они собирали также мнения, на основании которых составлялись проекты, как организовать фабрично-заводское производство, сельское производство, обмен и т. д. Один проект „Единый союз трудящихся города и деревни“, разработанный довольно подробно, даже заслуживает внимания. Таких проектов я встречал не один. В разработке же вышесказанного проекта принимали участие много рабочих—членов коммунистической партии и несколько бывших видных комиссаров. На одном из таких собраний свободных коммунистов, как они себя называли, „на часах“, по охране собравшихся стоял бывший председатель Транспортной Чeka целой дороги. Он, понятно, был рабочий от станка.

Немалая работа делалась и среди молодежи. Но молодежь, не имея возможности создавать свои свободные союзы и организации, была вынуждена объявить себя Коммунистическими Союзам Молодежи. В противном случае им не давали ни помещения, ни книг, ни возможности передвижения, одним словом, не давали ничего делать. И получилось что на Всеукраинском Съезде Молодежи в 1920 году 35—37% делегатов молодежи были анархистующие. Заходя в общежитие Ц. К. Коммунистического Союза Молодежи, во время съезда, я только и слышал: „эй, ты, анархист!“ Многие из делегатов имели, даже, определенные анархические убеждения. Особенно много было анархистующих среди делегатов Донецкого Вассейна и рабочих центров. Центральные же Комитеты Союзов Коммунистической Молодежи — просто государственные учреждения, где работали и работают чиновники-коммунисты. Свободная молодежь оставалась в Коммунистическом Союзе Молодежи

только за неимением другого выхода. Фактически же на местах, многие из них вели анархическую пропаганду и распространяли главным образом анархическую литературу.

В Харькове, даже, был такой курьез: в 1920 году, когда приехал Зиновьев, из городского союза Коммунистической Молодежи, прибегают в магазин „Вольное Братство“ с просьбой дать им некоторые произведения Кропоткина. Оказалось, что эти книги им нужны были чтобы „разбить Гринку Зиновьева.“ А во время „свобод“ на Украине, в том же году, этот союз хотел переименоваться в анархический.*)

Во время этих же свобод, т. е. заключения известного договора между революционными повстанцами (махновцами) и советским правительством, по которому анархисты получили право легально работать, выявилось ясно и определенно настроение рабочих, крестьянских, красноармейских и частично, учащихся масс.

Даже, среди многих анархистов, в большинстве стоявших в стороне от масс, я часто слышал, что массы реакционны, что массы буржуазно настроены, что массы меньшевистствующие и т. п. Но этот период „свободной“ пропаганды показал и доказал не только анархистам, но и меньшевикам и коммунистам настроение трудовых масс и с кем эти массы. В течение октября и до 25 ноября 1920 года рабочие и крестьянские массы Украины, особенно Харькова, вновь переживали революционный подъем и настроения 1917 г. В Харькове жажда живого слова, жажда свободной мысли, были так велики, что не смотря на то, что Чека была на чеку, что целая свора шпионов и провокаторов рыскала везде и всюду, массы ринулись к анархистам.

Клуб анархистов набивался, во время собраний до того, что ни войти, ни выйти нельзя было. И большая масса рабочих и кра-

сноармейцев. Но на их лекциях, по тем же вопросам, не было ни одного рабочего. На лекции „о махновщине“ у них было 17 человек: 2 анархиста и 15 меньшевиков.

На всех заводах, на всех фабриках, анархисты встречались как близкие, как друзья, и очень часто рабочие не давали говорить не—анархистам.

Повторяю, я не переоцениваю сущности этого явления. Но, как настроение масс и их отношение к анархистам, оно характерно и важно.

Газета „Набат“, выходившая только в 3000 экземплярах, больше большевики печатать не разрешали, давалась только представителям от заводов и фабрик, красноармейских частей и т. д. по 1-4 экзempl. Газеты зачитывались до дыр.

Я смело могу утверждать, что не было почти ни одного предприятия, где были рабочие и служащие, куда бы анархисты не приглашались. И не один раз коммунистические ячейки, со скандалом отказывались открывать собрание, из-за того что рабочие требовали дать слово анархисту. О больших же заводах, как паровозостроительный,*), который в это время бастовал, не смотря ни на какие угрозы, выставил он ределенные революционные требования, — о вагонных мастерских и других фабриках и заводах говорить не приходится. Об этом должна была и говорила официальная коммунистическая пресса.

О настроении среди молодежи, я уже частично говорил. Добавлю только, что в школе кооператоров оказалось больше 30 анархистов и около 150 сочувствующих (т. е. почти все). У них начались, даже, регулярные занятия по анархизму, при участии пишущего эти строки. Начал проявляться большой интерес и в учащиеся высших учебных заведений...

Сильное движение было и среди частей красной армии. Не было ни одного красноармейского отряда, где бы анархисты не встречали

*) Факты беру из украинской жизни, ибо лично переселил их, в этот период на Украину.

красноармейцев еще оставалась на улице.

А через ворота, в том же здании, находился

*) Насчитывал в то время больше пяти тысяч рабочих.

самый горячий прием. Всюду, во всех частях, как в Харькове, так и в других местах Украины, анархисты имели массы за собой. Как в Харькове, так и в других местах Украины, красноармейские части готовились к демонстрации, в день открытия анархического съезда. Во многих частях были избраны делегаты на съезд анархистов. Даже в клубе Чека я присутствовал на дискуссии об анархизме и „большевизме.“ Еще характернее. В Харькове, к анархистам, явились представители от нескольких красноармейских частей и предложили взять власть в руки анархистам, отдавая себя только в их распоряжение. Оно показывает, как мало масса понимала сущность анархизма и задачи анархистов. Но сам факт характерен и интересен. Даже, особый отряд при Савнарком Украины был на стороне анархистов.

Если бы анархисты захотели стать политическими авантюристами, на подобие большевиков, они свободно могли бы тогда захватить Украину в свои руки.

Один этот период мог бы показать и показал многим, что дух революции, дух жажды новой лучшей жизни в трудовых массах не умер и что идеи безгосударственности, децентрализации, самоорганизации, свободной инициативы и т. д. т. е. идеи анархизма, может и не вполне ясно, залегли далеко в умах трудящихся. В это время, даже, многие „пессимисты“ научились кой чему.

То же настроение было по всей Украине: сотни ходяков от рабочих и крестьян приходили к анархистам, думая найти у них ответ на свои чаяния и надежды, на свою жажду найти путь к действительно новой жизни, — свободной, равной и сытой.

В это же время революционная повстанческая армия (махновцев) „помогла“ сделать красной армии, в течение 13—15 дней то, что сама красная армия, со всей своей железной централизацией и дисциплиной, не смогла сделать за целый год. Она помогла разбить и разрушить всю армию Врангеля и очистить весь

юг России от контр-революционных военных отрядов.

Ко всему этому на 1 декабря 1920 года был назначен съезд анархистов в Харькове. Делегаты начали прибывать со всей России. Рост влияния анархистов не по дням, а по часам, растущая волна революционного подъема трудовых масс (понятно для большевиков-коммунистов „несвоевременная“) и т. д., привела к тому, что в ночь на 26 ноября 1920 года, по всей Украине, начались поголовные аресты анархистов и махновцев. В течение недели действовали все органы Чека и все карательные силы красной армии. Масса революционных повстанцев, только вчера дравшихся вместе с красной армией против белых, ловились коммунистическими отрядами и беспощадно расстреливались. Тысячи анархистов и революционных повстанцев (махновцев) наполнили тюрьмы. В одном Харькове было переставлено около 3000 человек, из коих 348 остались в тюрьме. Среди них было много активных работников анархистов,**) большинство которых томится в большевистских тюрьмах и до сих пор.

Рабочие паровозостроительного завода забастовали, требуя освобождения анархистов. Несмотря на угрозы, постановления официальных губернских съездов и на... выставленные ультиматумы и пулеметы, рабочие продолжали бастовать, пока наиболее видные анархисты не были ночью вывезены в Москву. Только после увоза нашего из Харькова рабочие паровозостроительного завода в количестве 5000 человек прекратили забастовку солидарности.

«Но это было на Украине. Такой революционный дух и подъем могли быть только на Ук-

**) Среди арестованных в Харькове были: Волни, Барон, Анатолий (Горелик), Фаня Барон, Мрачный, Ярчук, Дрикер, Стоянов, Черкес, Лева Котан, Ольга Таратута и многие другие анархисты и все махновское представительство: Попов, Буданов, Хатава, И Чарин и др.

раине, в классической стране „анархичности масс“ и грандиозного повстанчества, среди исторически свободлюбивого народа, но не на севере, не в Великороссии, где масса реакционная, забита и косна и где анархизм разбит еще в 1918—1919 году...»

«Бросьте думать о работе в Москве. Москва — центр большевиков. Москва — красная, в ней анархистам нет места...»

«Анатолий, Анатолий вы увлекающийся человек... Ничего вы здесь не поделаете...»

«Посмотрите, клубы пустуют. Рабочие даже не заглядывают. Боятся слушать анархистов. А интеллигенция... студенчество, это одни хулиганы, монархисты и черносотенцы. Лбом стены не прошибешь...»

«Массы на севере, особенно в Москве, идут за большевиками...»

«Ну что же, пробуй. Но это тебе не Украина. Скоро опустит крылья...»

отвечали мне, более или менее, видные анархисты, когда я ставил им вопросы относительно анархической работы в Москве. Это было уже после моего освобождения из Бутырской тюрьмы, в январе 1921 г. И действительно, первое время пришлось прошибать лбом стену... в московской анархической среде, где, как екал мне Карелин, „одни генералы без солдат.“

С кем я ни говорил о работе, я встречал подбадривающую улыбку, или еще хуже...

Но это сейчас не важно.

Московские рабочие начали слушать анархистов. К февралю месяцу, ко времени смерти П. А. Кропоткина, анархисты являлись желанными гостями в рабочей среде.

После же похорон П. А. Кропоткина, которые сильно возбудили и встряхнули все интеллигентные, и частью, и рабочие массы, не было почти фабрично-заводского, или рабочего собрания куда бы не приглашали анархистов. Всяду, и в клубе на Леонтьевском, и на рабочих собраниях, и в АвтобазеСовнаркома, и в Украинском Театре, и в Сергиеве и во всех высших учебных заведениях (Горной Академии, 1-м Университете, Галицких Сельско-Хозяй-

ственных Курсах, 1-м Ветеринарном, 2-м Ветеринарном, Высшем Техническом, 1-м Строительном, Художественной Школе и других), где мне приходилось читать лекции и выступать на митингах и собраниях, всюду были набитые аудитории, всюду были серьезные дебаты и вопросы.

Даже в Свердловском Коммунистическом Университете было несколько сочувствующих, часть которой начала с'организовываться в отдельную группу. Мне приходилось проводить собеседования с этой группой.

Во всех высших учебных заведениях с'организовались анархические группы, которые создали Секретариат Об'единенного Анархического Студенчества, впоследствии арестованного и высланного частью за границу, частью в Архангельскую губернию.

А Москва рабочая, Москва трудящаяся, переживала так же, как и в Харькове в 1920 году, октябрьские дни.

В Москве началось такое сильное рабочее движение, такая забастовочная волна, такой явный крик недовольства и возмущения и требования исполнения октябрьских „обещаний“, что большевики-коммунисты заволновались. Насколько сильно было возмущение масс можно судить хотя бы по тому, что, даже, московские анархисты „интеллигенты“ и оппортунисты, заволновались и заговорили о создании „Совета Действия“, так как трудно было сказать, во что бы вылилось народное волнение. Может быть, пограничная волна на коммунистов захлестнула бы все и всех, ибо ненависть рабочих к большевикам-коммунистам была невероятная.

В Москве, в Петрограде были подпольные рабочие комитеты действия. Они составлялись только из рабочих представителей от производств.

Легенда, что эти комитеты действия были „меньшевистские“, лишена всякого основания. Громадное большинство членов комитетов были беспартийные и сочувствующие левым.

Из разговоров с некоторыми членами московского комитета, я могу утверждать, что их цели — цели рабочих масс, были близки и поч-

ти сходились с целями кронштадтцев. Преждевременное выступление экспедиции загловления государственных бумаг в Хамовническом районе, разбило планы московских рабочих.

Интересно, как большевики разбили эту забастовку. Большевики знали о существовании московского комитета действия. Когда вспыхнула забастовка в Хамовническом районе, большевики-коммунисты немедленно мобилизовали коммунистические отряды. Красноармейцы обещали рабочим свою поддержку. В Свердловском Коммунистическом Университете, так же, как и во всех районах, выступили видные коммунисты, призывавшие к экстремным мерам, не скрывая, что если волнение разгорится, — нельзя ручаться ни за что. Положение большевиков-коммунистов было угрожающее, и несколько сот курьеров и студентов, в большинстве из Свердловского Университета, переодетых в рабочие коостымы и отправившихся на рабочие митинги в Хамовнический район. Зал, где выступил Калинин, был набит переодетыми членами коммунистической партии, аплодировавшими до одурения. А на улице стояла волнующаяся толпа рабочих и работниц не нашедшие места в зале... Делегация от рабочих этого района, направившаяся в казармы, была встречена пулеметным огнем. Из делегации двое были убиты и несколько ранено. А красноармейцы в Москве, почти поголовно, были обездорожены, Курсанты, коммунистические отряды и командный состав исполняли все службы.

В это же время начались волнения в Питере и некоторых других городах, которые вызвали сочувствие и поддержку кронштадтских матросов и гарнизона,

О том, что было в Кронштадте, говорить здесь не приходится. История Кронштадта хорошо известна. Скажу, только, что на все предложения белых оказать Кронштадту помощь деньгами, повстанцы ответили отказом. На предложение же, группой контр-революционных офицеров своих услуг, ответили..., „Оставайтесь, где вы есть! Для таких как вы, у нас дела нет!“ А резолюция, принятая 1 марта в присутствии самого председателя В. Ц. И. К. Калинина, за

которую голосовали и кронштадтские коммунисты, хотя бы в пунктах 2 и 7 гласит:

«2 Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистов-революционеров.»

«7 Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели...»

Но лучше всего дадим слово Рижской большевистской газете „Новый Путь“ от 19 марта, 1921 года.

„Матросы Кронштадта, в своем большинстве, анархисты. Они идут не вправо, а влево от коммунистов. В своей последней радиотелеграмме они провозглашают: „Да здравствует Советская Власть!“ Ни один единственный раз они не заявили: „Да здравствует Учредительное Собрание!“ Мы имеем здесь дело с бунтом слева, а не с восстанием справа.“

Кронштадт был второй Парижской Коммуной.*) В Кронштадте были заданы все лучшие чаяния и последние надежды многочисленного народа, ибо с Кронштадтом была вся трудовая и революционная рабоче-крестьянская Россия. Кронштадт 1 марта выставил те же требования, которые глухо носились по всей необъятной России, от Белого моря до Кавказских гор и от Владивостока до западных границ.

Кронштадт был спровоцирован кучкой политических шарлатанов, во главе с Лениным и Троцким, и задан им же подлой и грубой физической силой. Но 900 человек, расстрелянных в Кронштадте и каждый десятый в полках, отказавшихся наступать на Кронштадт, — своей героической смертью раскрыли глаза всему трудовому миру и разрушили две глупые сказки:

*) Кронштадт — самое кровавое красное пятно на Российской Коммунистической Партии и Коммунистическом Интернационале. Через несколько дней после „кровавой недели“ в Кронштадте, Ленин, на 10 съезде Российск. Коммунист. Партии, выступил с своей программой „Новой Экономической Политики.“

Одну, созданную Коммунистической Партией, что рабочие и крестьяне, а следовательно и красные армейские и флотские массы, идут за коммунистами-большевиками,

Оказалось, что даже „Красный Кронштадт“ был больше чем „красный“. Он оказался с анархическим духом и, даже, действием.

И вторую, распространяемую правыми социалистами-революционерами, социаль-демократами меньшевиками и правее, что русские рабочие и крестьяне идут за ними. Влияние этих

партий отрицать не приходится. Их влияние имеет силу, пока они критикуют власть большевиков. Но я видел влияние их при Деникине, гетмане Петлюре и других. Тогда, ни монархисты, ни кадеты, ни даже, меньшевики и правые социалисты-революционеры, не могли похвалиться ни любовью, ни поддержкой масс рабочих и крестьян. Тогда они,...

Но это не так важно сейчас.

Анатолий Горелин,
Конец.

ИДЕАЛ В РЕВОЛЮЦИИ.

(Из незаконченной рукописи 1918 г.)

Во всемирной истории выступает один ярко определенный факт. За последние три столетия, через каждые 130 — 140 лет, в какой-нибудь из европейских стран совершается крупная революция, которая затем на следующие сто с лишним лет (четыре поколения, как говорят итальянский историк Феррари) дает направление прогрессивному развитию мысли.

Отбрасывая более ранний период и начиная с английской революции 1648 года, мы видим, что Англия вплоть до французской революции дает более передовым странам свой лозунг: полная религиозная свобода, право каждого толковать Библию, как он ее понимает; развитие свободных местных, городских и земельных учреждений — приход, как основная земельная единица — и конституционный образ правления. Этими лозунгами вдохновляются на той стороне океана молодые английские поселения Северной Америки, а в Европе философия шотландских философов энциклопедистов, а затем и целая страна — Франция.

В 1789 году начинается во Франции ее большая революция и она не только принимает лозунги, выставленные Англией, но и со свойственной французскому уму логикой, т. е. последовательностью и систематичностью, она старается провести в жизнь „Права Человека“ — т. е. политическое равенство всех перед зако-

ном, уничтожение всех безусловно пережитков феодального и крепостного права, представительный образ правления при всеобщем избирательном праве и, наконец, автономии сельских и городских общин. Эту автономию Франции, впрочем, не удалось провести в жизнь, так как ей, с первых же годов революции, приходится вступить в отчаянную борьбу, а жизнь и смерть, со всеми королями Европы, и таким образом перейти на время от демократической республики к империи; точно также ей приходится выдержать такую жестокую борьбу с католическим духовенством, которое поднимает при содействии Австрии, германских государств и Англии, целые громадные области против республики и против проводимой ею в жизнь философской религии, в которой высоконравственное начало равенства, братства и любовь к родине выводилась из созерцания природы и человеческого разума.

Для поверхностного наблюдателя французская революция, где наполеоновская империя скоро заменила республиканский режим, доказала только бесполезность революции; на деле же весь XIX век был осуществлением в Европе начал, провозглашенных французской революцией: равенства всех граждан перед законом, уничтожения пережитков феодального строя и повсеместного представительного прав-

ления. Эти лозунги французские санкюлоты, а впоследствии даже Наполеон, разносил на своем трехцветном знамени, уничтожая крепостное право в Италии, Испании, германских княжествах и Австрии, вводя под именем Наполеонова кодекса свод законов, выработанный Конвентом и уничтоживший сословные привилегии, и кладя конец кострам инквизиции в католических странах,

К несчастью, эта волна докатилась до России только тогда, когда во Франции царил уже император, а республиканская армия уже обратилась в сбор самых разноплеменных полчищ.

И вот теперь мировая история наложила на Россию тяжелую задачу выполнить новую революцию, распространяя далее на восток те же права человека и прибавляя к ним наследие XIX века — разрешение социального вопроса, как для крестьянских масс, так и для непомерно разросшегося городского населения и его естественного последствия — пролетариата. Подобно тому, как Франции в своей революции пришлось пойти гораздо дальше Англии, и ребром поставить уничтожение земельного феодализма, оно и было совершено во Франции, — тогда как в Англии он продолжает существовать и до сих пор, точно также России предстоит провести в жизнь среди своего разноплеменного населения не только утверждение „Прав Человека“ и уничтожение земельного феодализма, но еще и разрешение экономических вопросов, поставленных перед человечеством в XIX веке. Задача громадная, вероятно, даже непосильная для русского народа, если он в ней не будет поддержан народами Запада, уже совершившими свои две революции, т.-е. Англии и Франции, но совершенно неизбежная при современных условиях экономической жизни.

Задача, стоящая перед Россией, еще более осложняется тем, что нам приходится сворачивать нашу революцию во время жестокой войны, в которой нам приходилось воевать не с ничтожными армиями разрозненных немецких княжеств, как это приходилось Франции, а с громадными силами двух империй, обладающих в сложности населением в 120 с лишним мил-

лионов жителей, обладающих высоко развитой промышленностью и воспитанных за последние 30 лет для завоеваний и распространения на восток,

Но есть еще одна сторона, ставящая Россию в гораздо худшее положение, чем была Англия и Франция во время своих революций, — и тут требуется от безусловно лучших людей в России самое упорное напряжение сил, чтобы противодействовать разлагающему влиянию этого фактора, которого не знала ни Англия, ни Франция.

Обе эти революции, ставя себе определенные экономические цели, вместе с тем были одушевлены высоким нравственным идеалом.

Английская революция была в значительной мере революцией народной совести. Являясь протестом против разложения католического духовенства, она выставляла строго нравственные идеалы — пуританство. Ее вражда направлялась столько же против разврата двора и высших классов, сколько против их политического преобладания. Ее воодушевлял нравственный идеал столько же, сколько и идеал политического и экономического равенства.

Точно также и французская революция ставила себе целью не только уничтожение политических и экономических классовых привилегий но и проведение в жизнь высшего идеала человеческой взаимности.

Философия XVIII века была проникнута идеалом человеческой взаимности, хотя она и выставляла принцип эгоизма, но она понимала эгоизм, как сознание разумной солидарности всех членов общества. И если среди более зажиточных классов проповедь эгоизма Гольбоха в его ограниченном смысле имела успех, то среди рабочих масс любимым философом был Руссо с его проповедью гуманизма и солидарности, высоконравственного общественного образования. В том же духе шла и во время вся проповедь франк-масонства, к которому принадлежали все сколько-нибудь видные деятели революции и которое дало революции ее лозунг: — свобода, равенство и братство.

К сожалению, несмотря на удивительные подвиги самопожертвования, проявленные русски-

ми революционерами в ее подготовительный период, несмотря на высокий общественный идеал, воодушевлявший их, мы видим, что теперь берет верх учение, постепенно просачивавшееся в нашу жизнь за последнее десятилетие учение об экономическом материализме. При чем это учение понимается не в том смысле, как понимали его бланкистские организации Франции, когда они назывались коммунистами-материалистами, понимая под этим не коммунизм монашеских общин и парагвайских пезуитов с их колониями рабов, а коммунизм *de facto*, на деле, дающий всем не только нравственное благосостояние, но и нравственную независимость. В учении экономического материализма,шедшем из Германии, это понимание материальности утратилось.

Смысл, который оно приобретало в учениях последователей Фурье, осмеивался, как утопическое учение, и вместо него брало верх понимание социальной революции, как разнузданности дичинных восхлелений в смысле каких-нибудь штирнерианцев или ницшеановских сверхчеловеков низшего сорта. В этом отсутствии высокого, вдохновляющего идеала русской революции лежит все различие между нею и ее предшественницами. Остается одно — жить надеждой, что такой характер революции приняла только под тлетворным влиянием последних годов самодержавной вакханалии и что здравый смысл русского народа возьмет верх и избавится от этой язвы, которая грозит обессилить русскую революцию и сделать ее бесплодной.

П. А. Крестопкин,

СОЦИАЛИЗМ В ИСТОРИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ.

Ф. С. Грахам.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Пятьдесят лет в истории — не малое время. Около пятидесяти лет тому назад существовал один Рабочий Интернационал. Его принципы и стремления были открыто революционными. Он отрицал существование экономической эксплуатации — капитализм, также и политическую эксплуатацию — правительство. Сила Интернационала росла с невероятной быстротой. Идеи охватила все страны так, что почти не оставалось ни одного места на земном шаре, которое бы не имело связи с Интернационалом.

В то время, как Интернационал с каждым днем делался все могущественнее и могущественнее, бросая в трепет боязни капитализм и правительства мира, в его среде возникли две различные идеи, которые в скором времени стали вполне ясными и выразительными. Одна часть разделяла мысли и взгляды М. Бакунина, тогда как другая последовала за Карлом Марксом. Мысли Карла Маркса излагались в следующем: признавая, что капитализм учредил опорой своего дальнейшего существования

— государство (правительство) и все таки это самое государство даруя всеобщее голосование дает народу шанс захватить его.

Поэтому рабочие должны воспользоваться этим шансом для того, чтобы захватить бразды правления государством.

М. Бакунин заявлял: зная, что капитализм существует опираясь на государство, поэтому в момент разрушения государства мы убиваем и капитализм. Пеходя из этого все наше образование, энергия и агитация должны быть направлены против самого существования государства (впоследствии говоря об аксиоме Маркса, что „условия делают человека“. Бакунин разбирал это так: — кто же имеет бразды правления государства? Каждый вероломный политикан, каждый обманщик. Теперь если мы поставим на их место честных людей из нашей среды и будучи выбранными, во что они превратятся? Не будут ли они подвержены аксиоме Маркса? Не превратятся ли они в таких же вероломных и бесчестных, как и те, которых они заменили? После будет ясно, был ли разбор Бакунина правилен.)

С началом же Французской Революции 1871 года и последовавшими за ней восстаниями в других частях мира, две противоположные фракции Интернационала разделяли все новые и новые фазы.

Где только была возможность начать восстание — Бакунин всегда был там. Не только говоря другим, но и сам участвовал со всей своей силой и энергией. Он говорил, что революции или восстания не могут быть предначиненными, но каждое непредвиденное, случайное явление может быть использовано, как искра для начала восстания или даже революции. Как думал и говорил — так он и поступал. Страх и опасность для него были ничто. Будучи присужденным к смертной казни в Австрии и отбывая двенадцати летнее тюремное заключение в России, из которого впоследствии бежал, он оставался тем же непреклонным бунтарским духом, как и всегда. Таков был человек М. Бакунин.

В продолжение этого периода, Карл Маркс также был активен, но только совершенно в иной форме. Не на баррикадах или в активных революционных выступлениях он участвовал, а безопасно сидел в своем кабинете и начинал свой труд „Капитал“, который является неясным конгломератом идей взятых из экономических трудов Адама Смита, Рикордо и многих других экономистов. (См. „Доктрины Марксизма“ В. Чиркезов). В этой книге Маркс скомбинировал комплект теорий известных как социализм. „Капитализм“, писал он, „концентрирует все в меньших и меньших руках до тех пор, пока он не превратится в один могущественный трест; народ увидит одного могущественного врага и сумеет разрушить его.“ Таким родом по его словам — „капитализм в процессе своего развития ведет к своему собственному разрушению. Поэтому революции и народные восстания бесполезны, а только будут стоить много крови и жизней. Пусть капитализм развивается сам по себе, а мы пока используем даруемое нам голосование для захвата государства и таким родом рабочие будут освобождены.

Ввиду всего этого было естественно, что идеи и идеалы этих двух людей Бакунина и Маркса должны были столкнуться. В одно время часть Интернационала поддерживающая Карла Маркса была достаточно сильна, чтобы вытеснить другую, соглашающуюся с Бакуниным. Но даже после изгнания более революционной части, Маркс не был уверен в своем господстве над, теперь уже, социалистическим Интернационалом. Присутствие идеи Бакунина было завсегдашней боязнью Маркса. Поэтому он преднамеренно переехал Интернационал в Америку, где он и умер ожидаемой его смертью.

Другой Интернационал, поддерживающий идею Бакунина, существовал приблизительно четыре года больше и умер он благодаря успехам марксистского движения, которое начало производить свое действие на рабочих. Мысль, что их спасение придет мирным и постепенным захватом государства, избегая восстаний и революций, была главной причиной, которая заставляла рабочих прислушиваться и следовать идее социализма в предпочтении идее анархизма.

Таким родом социалистический Интернационал, который функционировал до начала войны 1914 г., начал свое существование.

Анархическое движение, как непрерывное, интернационально организованное движение, с тех пор не существовало, но организованные в группы и Федерации, анархисты вели свою просветительную, агитационную и другую работу, по силе возможности, во всех частях мира.

Одно должно быть признано, что социалистический Интернационал распростер свое владычество и влияние на рабочих почти что всего мира, за небольшим исключением, как-то — Франция и Испания. Рабочие же других стран избрали путь социализма. Каков же результат? Результат ужасен и чреват своими последствиями.

Одного стояло невыслушанным анархическое движение. Агитация, предупреждения и воззвания к рабочим — принять генеральную забастовку, как орудие для достижения экономических требований и предупреждения войны, бы-

ли высмеяны социалистическими ораторами и прессой.

„Генеральная забастовка — генеральное сумашествие!“ провозглашает Август Бебель. И социалисты мира поддерживали своего оратора.

В 1904 г., когда голландские железнодорожники вышли на генеральную забастовку, социалистическая партия выпустила прокламацию, призывая своих членов быть стачколомami, для того чтобы сломить „анархическую забастовку.“

Пабло Иглесио, со своими испанскими социалистами поступал также не один раз. Но если анархическая идея генеральной забастовки была осуждена и поношена социалистами, как генеральное сумашествие, то причиной такого их действия было, что это не принесет никакой пользы рабочим. Теперь, если они были честны в своих верованиях и действиях, то как же могло случиться, что в 1912 г., бельгийские социалисты вызвали генеральную забастовку для того, чтобы достигнуть всеобщего голосования, а на следующем интернациональном Конгрессе, они отказались признать генеральную забастовку, как орудие против войны?!

Дальше, в 1920 г., мы снова видим, как социалистическое правительство в Германии восстановило свою власть призывом к народу на генеральную забастовку. Ясно и очевидно, как социалисты охотно прибегают к генеральной забастовке, когда им нужно провести в жизнь партийную задачу — захвата власти государством, но противятся ей, когда она против их задач. Что же касается социалистической теории — концентрации капитала, то навряд ли нужно долго останавливаться на этом социалистическом заблуждении, которое даже некоторые социалисты теперь признают. Капитализм никогда в своей истории не разветвлялся так, как в настоящее время. Это доказывают статистические данные каждой страны.

Статистика Соед. Штатов, например, показывает, что в 1914 г. было 69.000 человек с годовой прибылью выше 20.000. В 1920 г. это число превзошло 92.000! Увеличение значит 23.000 за шесть лет.

Из такого ложного предположения, социали-

сты черпают свои верования, что революция неизбежна там, где капитализм развился до степени всевидимого великого врага; и благодаря такому рассуждению, Маркс, предсказал, что революция должна скорей прийти в капиталистически развитой Германии, чем в неразвитой России. Но где же она пришла раньше? В капиталистически неразвитой России!*) В Германии же настоящая революция так же далека, как и раньше.

Если разрыв между анархистами и социалистами в начале произошел только в вопросе о тактике то впоследствии он превратился в явный разрыв и в идеях.

Государство (правительство) стало ядром социалистов, а захват его был и остается их водоводением. Выражение — „уничтожение государства после его захвата,“ которое появилось в „Коммунистическом Манифесте“ (заявление, которое, очень возможно, было сделано для успокоения рядовых последователей социализма), не употреблялось социалистами до 1917 года.

Относительно государства я буду говорить более подробно в других частях этой серии статей, где будет разбираться социализм, как он практикуется в России — в социалистическом государстве.

Мировая война 1914 — 1918 г., показала пролетариату насколько он может верить и полагаться на лидеров. — хотя бы даже и социалистов, — для защиты своих прав. Никто не имел так много общего в деле помощи войне — как социалистические ораторы (лидеры). Стоит только упомянуть несколько имен, чтобы показать правильность этого вывода: Вивиани, Клемансо, Алберт Томас, Вандервель-

*) Интересно заметить, что Исаак Гурвич, (адвокат и писатель, имевший связь с Советским Бюро в Соед. Штатах) писал в «Survey» от 11 мая 1918 г. относительно марксизма в России: „Большевики всегда считали себя марксистами чистой воды... Но производится факт, что эксперимент не в одной из капиталистически развитых стран, а в стране, где капитализм менее всего развит, не гармонирует с теорией марксизма.“

де, Шейдеман, Гендерсон и др.

Оставляя в стороне краткий обзор прошедших пятидесяти лет социализма и его соотношение к анархизму, а так же и участие социалистов в войне, приступим к тому, — что достиг социализм в течении этого периода, своего пар-

ламентарного действия, а впоследствии как существующее государство в России.

(Следующая статья в одном из ближайших номеров).

с французского. С. З.

РУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.

Себастьян Фор.

В своей предыдущей статье я, не претендуя на изложение новых и оригинальных истин, резюмировал доподлинные тезисы синдикализма и его отношение к пролетарскому или буржуазному государству.

Я излагаю и, кажется, не ошибаюсь в том, что развитые мною тезисы неопровержимы. Все же любопытно знать, какие основательные аргументы можно было бы выдвинуть против них. Я жду, но безнадежно. Однако важное историческое событие своим ходом вскружило головы и поколебало известные понятия, которые, казалось бы можно было считать более устойчивыми.

Этим событием является русская революция. Действительно ли эта революция, противопоставляя реальность догме, призывает нас к отказу от наших антигосударственных взглядов?

Люди, которые не могли уберечь себя от того, что я называю обманчивой лучезарностью русской революции обвиняют нас в том, „что мы ничему не научились и систематически скрывали свой взор от поучительных уроков русской революции, пошатнувшей доктрины, которые рухнули под жестоким и непреодолимым напором действительности.

Я устраниваю всякие нечестные гипотезы и воздерживаюсь от предложений заинтересованных партий. Такие методы аргументации не входят в мои обыкновения, чужды мне и я, впрочем меньше всего нуждаюсь в них для того, чтобы доказать, что претендующие клеймить нас этим упреком, сами достойны его.

Люди, имеющие наглость называть анархистов контр-революционерами, утверждают, что русский опыт с наглядной очевидностью доказывает безусловную необходимость диктатуры для творчества социальной революции, для укрепления нормального методического и действительного углубления революционных завоеваний.

Анархисты, напротив, говорят, что опыт русской революции неопровержимо и наглядно доказывает, что диктатура неизбежно ведет к постепенному ослаблению революционных достижений.

Во избежание лишних словопений, нужно установить, что те и другие под режимом диктатуры понимают учреждение пролетарского государства.

По словам приверженцев пролетарского государства, или диктатуры пролетариата, русский эксперимент дает полнейшее оправдание предопределениям и положениям, принципам и тактике авторитарного коммунизма.

По словам противников пролетарского государства, или диктатуры пролетариата, опыт России служит лучшим доказательством правильности определений и положений, принципов и методов вольного коммунизма.

Если факты и события оправдывают слова первых, то вольные коммунисты проявляют лишь упорство, оставаясь верными своей доктрине и выводам ее. В этом случае придется констатировать, что анархисты действительно ни чему не научились и оставались глухими к урокам русского эксперимента. Но, если факты

подтверждают слова вторых, авторитарные социалисты (точнее те, которые неправильно называют себя коммунистами) повинны в упорстве, продолжая оставаться верными своей доктрине и взглядам ее; тогда, именно, коммунисты и будут те, которые ничему не научились и систематически скрывают свой взор от поучительного опыта русской революции.

Такова, кажется, в кратких, но точных терминах, стоящая перед нами задача.

Пусть сами факты и только они разрешат ее точно так же ясно и определенно.

Нам нужно беспристрастно, хладнокровно, лояльно исследовать факты, имея в виду только точность и правдивость их.

В настоящее время у нас имеются достаточно точные факты о событиях, вызвавших русскую революцию и о тех условиях, при которых она вспыхнула и прошла, о принципах, провозглашенных ею в начале и о стремлениях ее возвещенных миру,

В нашем распоряжении сейчас не менее точные сведения о маневрах коммунистической партии, предпринятых для захвата власти, о последовавших мероприятиях и фатальных последствиях диктатуры этой партии, о возбуждении вызванном ею, как в России, так и вне ее, об удущении всякой, даже из ее рядов выходящей, конфликтной пропаганды, о режиме насилия и террора, обременяющем угнетенную Россию, о постепенном отказе от первоначальных достижений, о замаскированном повороте к государственному режиму, ставящему русский народ в такое же положение, как все другие, о концессиях, трагатах и уступках, привидших представителей пролетарского государства в Геную.

Уже прошло то время, когда многие взоры в экстазе были обращены к святой Москве, видя в ней, несмотря на окутавший ее туман, колыбель всемирной революции, когда мы склонялись над колыбелью, с огромной нежностью в груди и с слепым доверием ждали появления этого прославленного детеныша, чья грандиозная сила низвергнет несправедливый и жестокий капитализм и принесет миру так го-

рячо желанное искупление и достойное вознаграждение за бесчисленные жертвы и лишения. Сейчас мы уже знаем обманчивую, горькую и плачевную действительность.

Что осталось от возвышенных и категорических деклараций: „мы не преемники и не продолжатели старого режима. Новая Россия нарождается. Она не признает долгов сброшенного гнусного паризма, Мы их никогда платить не станем.“ Что от нее остается? Открытие дебета и кредита, которыми убытки причиненные России, навязанными ей войнами и миллиардные займы старой России взаимно балансируются. Не является ли такой баланс признанием долгов?

Что стало со второй декларацией, вызвавшей в нас трепет радости: „Рабочие захватили фабрики; крестьяне овладели землей; нет частной собственности; коммунизм передал все орудия производства рабочим; капитал безвозвратно пал и земельный, и индустриальный, и торговый; капиталы перешли в общее владение.“

Большевистское правительство в одном из официальных заявлений о новой политике само отвечает на этот вопрос. Оно гласит: „Государственная монополия на торговлю сельскохозяйственными орудиями, хлебами и семенами отменяется. Торговля всеми продуктами сельского хозяйства впредь разрешается не только государству, но и кооперативным и другим общественным организациям, а также и частным лицам.“

Что сохранилось от великой декларации, которой уверяли нас, русский рабочий окончатель но освободился из-под ига капитализма и его эксплуатации? Можно ли еще сомневаться в том, что сейчас с введением заграничного капитала и передачей эксплуатации бесчисленных богатств страны капиталистическим предпринимателям должны будут терпеть (впрочем они уже терпят) рабство и крайнюю нужду и т. п. условия, которые навязаны трудом сочетанием частного капитала и государства.

Что означает лицемерие разоружения, предложенного при условии принятия и одновремен-

ного проведения его всеми другими нациями? Я говорю „лицемерие“, потому что Чичерин был уверен в том, что такое предложение будет отклонено без дискуссий, а это дает возможность пролетарскому государству, показавшему миру свои благие намерения, иметь 3.000.000 винтовок, которые ему также необходимы, чтобы удержать русских рабочих под игом, как буржуазному государству Франции 800.000,— позволяющие его диктатуре гнуть в бараний рог французский рабочий класс.

Наконец, общеизвестный факт, что советы немислимы без полного подчинения их абсолютной власти коммунистической партии.

Неопишущая кутерьма, невыразимая беда, суровое законодательство, варварская полиция, колоссальная армия, постепенный отказ от всех завоеваний революций, неслыханные репрессии, пинический возврат к страшным бедствиям капиталистического режима, невинно названный „новой советской политикой“, — таков итог пролетарского государства, образ которого нам настойчиво рекомендуется и к принятию которого хотят склонить синдикализм.

Благодарим покорно.

Кто, скажите мне, ничему не научился и систематически скрывает свой взор от поучительных уроков русской революции.

Нам говорят, что вожди русского правительства раньше всего реалисты и принуждены были так действовать.

Я с этим соглашаюсь; но уж тогда, когда к нам стали долетать более точные сведения о конституции пролетарского государства, мы предвидели, что она убьет зарождавшуюся революцию. Если мы так горячо оспаривали и оспариваем диктатуру коммунистической партии над русским народом, то это объясняется тем, что мы, неодаренные двуличием, были непоколебимо уверены, что игнорируя сознательную активность масс, парализуя инициативы, разбивая энергию, разрушая лучшие стремления, убивая лучшие скрытые силы, которые

ми эти массы потенциально богаты, пролетарское государство незаметно, но роковым образом придет ко всем злам, составляющим суть и содержание всякого государства вообще.

Вот почему мы знали, что, любя искренно русскую революцию, мы к величайшему прискорбию будем очевидцами невообразимой драмы партии, призванной спасти революцию от всего и всех, которая после применения своих принципов и мероприятий диктующихся основами доктрины ее, становится палачем той же революции. К сожалению предсказания слишком полно сбылись: Русская революция переживает предсмертные судороги и вскоре получит свой смертельный удар в Генуе.

С каким рвением ограждаются имена Ленина, Троцкого, Зиновьева, Чичерина и др. вождей коммунистической партии от личной ответственности за эти невзгоды. Люди утверждают, что Чичерин испытанный дипломат, Зиновьев перворазрядный организатор, Троцкий бесподобный вождь, Ленин дивный государственный муж. Безпредельная преданность, гениальный ум, железная воля и неподкупность, — таковы добродетели, которыми их наделяют.

Пусть так! Мы не станем возражать. Но если в руках наших испытанных, преданных и верных людей государство пролетарское убило революцию, то это служит неоспоримым и решительным доказательством того, что революция и государство, даже пролетарское является смертельными врагами и что революция должна уничтожить государство, в противном случае она сама будет разбита государством.

Таков вывод из русского эксперимента, к которому должен прити всякий желающий изучить: действительность, вдохновиться ею и не скрывающий взор свой от поучительных уроков — фактов. Я резюмирую: русский эксперимент осуждает государство пролетарское и служит неопровержимым подтверждением антигосударственных положений синдикализма.

М. А. БАКУНИН.

(8 мая 1814 г. — 1 июля 1876 г.,

Несколько слов о Бакунине! Возможно ли в нескольких словах описать целую эпопею?

Жизнь Бакунина эпопея, полная великих поворотов. Чтобы писать о нем, нужно уметь создавать бессмертную апологию жизни и борьбы за нее, нужно быть великим певцом грядущей все сокрушающей бури, чтобы, поняв его природу, воспеть его. Творческая буря жила в его душе, и творил он творческую бурю.

Родился он для творческой бури, тогда, когда жизни нужна была она. Не каждый день рождаются Бакунины; они являются тогда, когда рок требует обновления, когда рок опустевшей жизни, жизни, впавшей в разложение, ставит ужасную дилемму: обновись или умри.

Рабство, долгое и унижительное, пускает, как столетний дуб, могучие глубокие корни в тело ослабшего человечества, сидит в нем крепко, и, чтобы вырвать его, нужна буря, сильная, могучая, все разрушающая и все заново создающая. Да, есть в жизни народов моменты, моменты великой скорби, где жизнь соприкасается с смертью, и, если в такое время не грянет буря — великая животворящая сила, смертью смерть попирающая — и не обновит жизнь, не пробудит личность и массы для новой борьбы и нового творчества, тогда обществу и жизни — конец; тогда должно прекратиться бытие великого коллективного сердца народных масс, ибо оно будет биться напрасно. В такие моменты буря необходима, неизбежна, необходим и пророк и сеятель ее; необходим Бакунин — вестник социальных бурь. Имя в груди сатаны (*diable au corps*, как он выражается), этот образ вечного повстанца он несет с собою бурю и всюду, где под неумолимым жестоким рабством люди сгибают выло, он сеет бурю, подшатывая корни векового рабства, будит бунтовский ух, зовет к восстанию тоскующих в неволе. Лишь в буре рождается новая жизнь, она нужна для обновления ответной жизни, пробуждения индивидуальных и соци-

альных сил, восставших на пути вырождения, для очищения и освежения опорожденных чувств и страстей, для оплодотворения и окрыления сонливо дремлющего творчества, для полного торжества полной жизни над всем тем, что не есть жизнь.

Враг бури — враг жизни, общества, личности, творчества, и друг смерти, падения и разврата.

Если жив еще народ, если в нем не изсяк инстинкт жизни, если жив индивид и не лишился великого дара — силы творчества, буря будет жить в них, и они будут жить в буре — и среди них имя Бакунина будет жить жизнью вечною, слова его станут призывной песней все к новой и новой, все обновляющей буре. Но если этого нет, если они, изжитые жизнью, не живут более, то они должны исчезнуть, очистить место, чтобы не отравлять своими разлагающими трупами жизнь, в великой красоте неиссякаемой жизнью живущей, вечно творящей новые формы великой природы.

Да, такова альтернатива: или исчезновение с лица земли, или обновление. Обновление, возрождение — только в буре. Только сильная все сокрушающая буря способна вырвать с корнем столетний дуб рабства, вросший глубоко в тело изнывающего человечества и живущий его соками. Таков завет и нашего великого пророка вечно творящего разрушения: „Доверимся же вечному духу, который разрушает и уничтожает только потому, что он есть непостижимый и вечно творящий источник всякой жизни. Дух разрушения есть в то же время созидательный дух.“

Будем же хранить святое имя великого учителя, будем идти к буре, жить в буре. Пусть мы, поборники великой идеи учителя, будем царапаться об острые колючки зла, пусть будем истекать кровью, — страдание нас сделает могучими, и мы еще сильнее станем любить жизнь, еще упорнее будем искать ее обновления...

Будем жить в буре, — в ней и только в ней стихия вечного бытия.

К. Ортеганы.

АНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Дж. Баррет

(Продолжение)

Новое общество

„Господин и раб! Одне в низ другие в верх! Так всегда было и так всегда будет. Вы не можете изменить человеческую природу.“ Очень легко рассуждать в таком духе и если бы человек нетребовательный — это так утешительно; но, разумеется, это абсолютная чепуха. Сам человек произошел от низшего вида животных, и наверное имеется немного таких людей, которые хвастались-бы каким-нибудь особенным сходством с пещерными обитателями доисторических времен. Фактически природа человека никогда не одинакова в двух частях света или в двух различных столетиях.

Что касается отношений господина и раба, то они были настолько издержаны и избиты в сравнительно короткий период истории, что теперь многим людям представляется затруднительным признать в них ту же самую вещь, которая была не что иное, как самое жестокое рабство в прошлом. Скоро время изменит их форму и превратит в отношения рабочего к рабочему. Последний удар, который приведет к этому — будет анархическая революция.

Что такое анархическая революция?

Для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, предположим, что мы согласны со всем, что было сказано в прошлых главах. Пусть будет признано, что нас грабят правители и капиталистический класс; что нет никакой надежды на избавление посредством реформ правительства, которое по своей сущности — реакционная сила; что капиталистический и правительственный классы — в полной зависимости от нас и в безусловной нашей власти.

Вопрос даже может быть поставлен так: „Что мы можем сделать? Разрушив современные институты, и что тогда получится? Простой хаос — до тех пор пока их место не зай-

мет что-нибудь подобное“. Это верно в одном смысле, но это — такой аргумент, который не может быть употреблен против нас. Совершенно верно, что различные институты общества, которые имеются в настоящее время, существуют потому, что люди, на которых они опираются, — рабски настроены. Если-бы по этому большой ураган, пронесшийся по стране, уничтожил все подобные институты и их руководителей, то более чем верно, что народ, все еще верящий в такие вещи, взялся бы за работу воссоздания их. Напротив, если бы этот „ураган“ принял форму народного движения, которое являлось бы как следствие освобождения самого народа от рабской психологии, тогда не было-бы восстановления старого, а пересоздание на новых, революционных основаниях.

Но что такое представляли-бы эти основания? Напрашивается естественный вопрос. Наша сила неспровергать и строить останется без употребления пока мы не будем иметь некоторого представления о наружных очертаниях здания нового общества. Это общество должно быть построено из материала, взятого из старого общества. Современные институты — наши парламенты, городские думы, фабрики и т. д. — все управляются по принципу государственности. Правительственный элемент — это остаток старины, — который входит в состав целого — должен быть уничтожен. Пока что наша миссия — разрушать, но мы увидим, что это необходимый шаг для создания настоящей общественной жизни.

А раз новое общество явится результатом развития старого, то для лучшего понимания надо начать с места вспышки революции — существующих институтов, проследить, что мы намерены сделать с ними. Например, мы возьмем такое важное дело, как производство хле-

ба и снабжение. Исследуем это учреждение в таком виде, как оно существует в настоящее время и каковым оно будет после революции.

Хлебопек, который выполняет свою ночную работу, вероятно изготавливает хлеб по рецепту другого человека. Он может знать, что примесь к хлебу — вредна почти так же, как отравы; но это не его дело, он должен делать так, как ему сказали, и ответственность ложится на кого-то другого. Может быть условия, при которых он работает, губительны для его здоровья и одинаково вредны для качества хлеба. Все это — ничего; средства к жизни принадлежат другому и если рабочий хочет ими пользоваться, то должен поступать так, как ему говорят. В придачу к этому, часть плодов его труда грабят другие, как это мы уже сказали, под видом прибыли. Наиболее выделяющимся из всех фактом, однако, в этом деле снабжения хлебом является то, что оно не удовлетворяет потребностей людей. Имеется много таких, которые в действительности испытывают недостаток в этом предмете первой необходимости. А если они удовлетворяют эту потребность захватом куска хлеба, то современное общество не может сделать ничего лучшего и подходящего в данном случае, как запереть их в тюрьму.

Здесь в таком случае, в одном из важных общественных учреждений мы указали на зло,

(Окончание следует).

ГЕРОЙСТВА ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Из „Der Frie Arbeiter“, Берлин.

Всего лишь несколько недель тому назад германское правительство учинило достойное проклятий преступление, выдав по требованию испанского правительства испанским разбойничьим бандам наших товарищей Николао Форд и Луция Концептион. Даже испанская газета в то время выразилась что только такое собачье правительство, как германское способно на такие дела. Германское республиканское правительство, в большинстве своем состоящее из социал-демократов, в настоящее время прекрасно

порожденное авторитарной формой организации.

В чем же выход? „Муниципализация и избирание наших людей в совет“, говорят большинство социалистов и их друзей. Это, однако, не разрешает вопроса. В самом лучшем случае это значит, что условия труда, а также сорт и качество производимого хлеба должно быть установлено большинством, в то время, как нет достаточных оснований полагать, что совет откажется более охотно от своей прибыли, чем капиталист, или чем это делал какой-либо другой раньше господствовавший класс. Нет; революционная перемена должна быть произведена путем ниспровержения контролирующей власти, не одной переменной ее личного состав. Снабжение хлебом в будущем будет построено снизу в прямом соответствии с потребностями. Оно не будет подчинено указаниям свыше.

Какова тогда будет перемена, вызванная Анархической Революцией? В свободном обществе хлебопеку должно быть позволено печь хлеб, по его убеждению, хорошего качества; он должен быть поставлен в такие условия, которые, по его мнению, подходящи для работы. Вместо того, что-бы часть плодов его труда грабили другие, он воспользуется всеми благами общественной жизни. Наконец, производство хлеба должно быть такого качества, что-бы им можно было удовлетворить нужды и вкус всех.

себя чувствует в роли прислужника у монархических государств. Иначе невозможно себе объяснить тот факт, что вопреки основному закону, подтвержденному даже договором, согласно которому политические „преступники“ не подлежат выдаче, наши товарищи все же были переданы в руки испанских палачей. Или же, может быть, 24-х миллионное возмездие Пуды толкнуло на это германское правительство.

Этот позорный акт, который в глазах вольнодумствующих людей всего мира унижил германское

правительство, не успев завершиться и снова мы видим, что последнее на пути самоосквернения падает все ниже и ниже.

Итальянское правительство требует выдачи нашего товарища Волдрони и к сожалению участь его внушает опасения, если только немецкие рабочие массы, как один человек, не подымут свой голос в обеспечение права убежища иностранным революционерам.

Здесь, в Берлине, находятся десятки тысяч русских монархистов и белогвардейцев, занимающих самые красивые и большие дома в то время, когда немецкие рабочие принуждены ютиться в подвальных трущобах. Эти русские реакционеры здесь чувствуют себя так безопасно, что на своих сходках обсуждают заговоры и, как это недавно произошло даже приводят их в исполнение, не встречая заметного противодействия со стороны германского правительства.

Последнее геройство германского правительства имело место на прошлой неделе. Итальянское

правительство требует от германского выдачи товарища Франциско Гези и некоторых других анархистов и синдикалистов, участвовавших в прошлом году в революционном восстании. Товарищ Гези был арестован и совместно с ним некоторые другие беженцы, которые легально проживают здесь, а также товарищ Крауш. Таким путем предполагали раскрыть местонахождение итальянских эмигрантов. Но это, конечно, не удалось.

Полиция сама прекрасно знала все безумство этого акта: если бы даже арестованные знали, где пребывают итальянские беженцы, то среди них никто не нашелся бы, кто бы сыграл роль предателя. У анархистов даже чувство чести совершенно другое, чем у полиции. Многие арестованные, в их числе и Крауш, были несколько дней спустя освобождены; некоторые еще находятся под арестом. Предпринимаются шаги к освобождению и этих. Но наша задача состоит в том, чтобы предотвратить выдачу итальянского товарища Гези.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА. ЕЩЕ О КОНГРЕССЕ.

В отделе Свободной трибуны 29-го №. "В." статья "Достижения Конгресса", несмотря на ее краткость, пестрит неправильным пониманием положения дел и погрешностями против действительности.

Соглашаясь с тем, что Конгресс в Берлине был как бы предверием к последующему Конгрессу (относительно "неполного" представительства говорить не приходится, ибо оно едва ли будет "полно" и на многих последующих конгрессах), я не питаю оптимистических надежд автора, что следующий конгресс "действительно будет Конгрессом, в полном смысле этого слова", а точно также не вижу, почему автор пришел к заключению что „его (Конгресса) организационные достижения, сами по себе, положили основу для Анархического Интернационала и пополняют все его (Конгресса) ошибки, если таковые были, и недочеты

остаются, и нашей последующей работой и должно быть исправление ошибок и пополнение недочетов. С этой целью, надеюсь, и была помещена статья тов. Грахама.

Слабость Конгресса объясняется не столько отсутствием старых и передовых товарищей, сколько общей слабостью анархического движения, страдающего извоя дезорганизации, фракционных трений и разногласий и, истекающей отсюда, разобщенностью в национальном и интернациональном масштабе. „Привычная непривычка к упорядоченному ведению дел, нелегальность „легальных“ заседаний, техническая неподготовленность, постоянная толпа гостей, из которых каждый хотел сказать свое слово, и, в результате, какое-то безучастное отношение делегатов — все это мешало плодотворной работе Конгресса, и Будущий Конгресс может быть бо-

лее плодотворным лишь при условии более тесного слияния анархического движения каждой страны и всех стран в одно общее целое, хотя и разнообразное по своим оттенкам.

Конгресс учел и отметил этот недостаток в анархическом движении и резолюцией своей старался, указывая и призывая к необходимости организации на широких федеративных основах, пополнять его, и от анархических организаций различных стран зависит разрешение этого в окончательной мере: претворения слов в дело.

Подходя к вопросу о деятельности анархистов в рабочих союзах, Конгресс провел разницу в организационном строении и строениях союзов „организованных на основе федерализма“ т. е. анархического понимания организации общества, которые борются с централизмом и бюрократизмом в своей среде и являются противниками централизации общественных отправления — так называемых синдикалистских союзов — от старых, или как их обычно называют „желтых“, реформистских союзов (типа Ам. Фед. Туда) и государственных (в России) профсоюзов. Но ни синдикалистские союзы, ни организации гильдейского социализма, ни „шапстюард“ движение, — где работают анархисты, находя удобную почву для пропаганды анархических идей, — отнюдь не являются по мнению Конгресса анархическими организациями, и резолюция ясно и определенно говорит: при всем этом, мы не можем упустить из виду, что все эти движения и организации не являются чисто анархическими; что, напротив, лишь свободный коммунизм является экономической целью Анархизма.“

Я уже писал в своем докладе, что резолюция была редактирована и пополнена сообразно взглядам тов. Сухи, который взялся за эту работу в виду невозможности собрать „Резолюционную Комиссию“, ибо никто из делегатов, за исключением его, не вносил, насколько мне помнится, подобной мысли: „Конгресс требует от анархистов, находящихся в синдикалистском профессиональном движении, помочь осмыслению и поддержке революционного Синдикалистского Интернационала“... .

Но если и взять их мнение Конгресса, то как возможно оправдать неверную справку тов. Грахама, когда он говорит: Он (Конгресс) принял резолюцию, рекомендуя анархистам мира помогать организовать Синдикалистский Интернационал“. Не анархистам мира, а анархистам в профессиональном движении рекомендует (требуется — по выражению казарменного немецкого языка) эта, извне прилепленная часть резолюции „помочь основанию“ и т. д. Ни „полной поддержки“ ни „одобрения“ синдикализму, как обособленной идее, Конгресс не дал и не мог дать (отдельные фразы тов. Роккера не являются мнением Конгресса), а руководился лишь желанием дать толчок массам рабочих в синдикалистских союзах, все более проникающимися, судя по докладам делегатов, идеями безвластного коммунизма, к широчайшему ознакомлению с анархическими идеями, не запрещая (странное дело: как анархисты могут запрещать) работу анархистов в синдикатах, стоящих на основе федерализма, и считая деятельность анархистов очень многосторонней, на что ясно указывают слова резолюции: „Деятельность анархистов, однако, отнюдь не должна ограничиваться работой только в профессиональных союзах, но, напротив того, распространяться на все поле деятельности революционной борьбы, которая встречается в общественной и духовной жизни людей“. И действительно нужно, чтобы древо Анархии из парниковой атмосферы группы и „патентных“ анархистов было вынесено в девственное поле и пустило корни по всей земле, всюду, где есть живительные соки. Это оживитособит самые группы и даст широкое приложение способностям отдельных анархистов, часто из „принципиальных соображений“ затрачивающих силы на мелочи. Являясь противниками авторитетов и не следуя слепо ни за Кропоткиным, ни за Малатестой, ни за резолюциями конгрессов, иногда не бесполезно и не безинтересно послушать, что говорит тот или иной из товарищей, мнение которого уважаешь, как искреннее, поэтому я приведу слова покойного П. А. Кр-на в письме от мая 1920 г., приводимом в статье Э. Гольдман, П.

А. пишет между прочим: „Я глубоко верю в будущее. Я внутренне убежден, что синдикалистское движение, т. е. рабочих организаций, которые на своем последнем конгрессе собрали представителей от 20.000.000 рабочих, сыграет в течение каких-нибудь 50 лет громадную роль в образовании коммунистического безначального общества,“

Мысль о том, что синдикальное движение является огромным фактором строительства будущего общества не нова: она была вынесена в резолюциях съезда русских анархистов 1906 г., в Лондоне, она сквозила в резолюциях Амстердамского Конгресса анархистов 1907 г., она была осознана и на Интернациональном Конгрессе 1921 г.

И не отделяя мысли и слова от дела, нам нужно вести свою пропаганду в этом синдикальном движении и других массовых рабочих организациях, для того, чтобы „Синдикализм не поглотил Анархизма,“ надо, чтобы анархическое движение имело и свои чисто анархические организации, свои питомники.

Так я понимал не вполне ясную, коллективную резолюцию 4-го съезда нашей Федерации, так я понимаю вопрос и в настоящее время.

Что касается федерации „Набата“ и резолюций конференции 1920 года, то ее отношение к вопросу таково: первая часть резолюции гласит против известного течения, раздуваемого некоторыми, еще не отрешившимися от идей авторитарности „Анархо-Синдикалистами,“ предлагающего диктатуру труда“, т. е. профессиональных союзов, как „переходного периода“ к безвластному коммунизму; а вторая часть говорит о необходимости пропаганды анархизма в рабочих союзах, но резко выделяет в особую категорию русские профсоюзы, как орудия политической власти, которые создались со времени революции под крылышком коммунистической партии большевиков.

Таким образом я не вижу как это делегаты Конгресса „сделали громадную несправедливую вещь“ — по выражению тов. Грахама, вынося резолюцию, которая не ограничивает деятельности анархистов, не концентрирует ее, а расширяет ее, обращая внимание анархистов и

на рабочие союзы и другие организации, где их пропаганда желательна, может вестись без затруднений и явиться плодотворной.

К анализу чего бы то ни было нужно приступать без предубеждений, точно считаясь с выражениями, как и с общим духом того или иного вопроса, ибо в противном случае не „резолюция, когда анализируется, превращается в очень глупые если не вредные выражения“, а самая анализация вредна, потому что она односторонняя.

Исходя из предпосылки резолюции Интернациональной Синдикалистской Конференции 1920 г. в Берлине тов. Грахам делает неожиданные заключения: 1) что синдикалистский конгресс, который должен быть основан, будет поддерживать „Диктатуру Труда“, 2) „Косвенно, делегаты на Интернациональном Анархическом Конгрессе благосклонно выступили к „Диктатуре Труда“ и наконец 3) „Это доказывает что большинство делегатов на Конгрессе были синдикалистами или им сочувствующие.“

Талант тов. Грахама, который готов обвинять всех в „криминальном“ синдикализме, затрачивается, право, не в надлежащем месте.

Нисколько не стараясь защитить синдикализм, и в особенности идею „Диктатуры Труда,“ которая навязывается синдикалистами некоторыми теоретиками, с завистью и возделением взвращающих на диктаторов на политическом поприще, Ленина и Троцкого, и метящих в диктаторы на экономической подкладке — приходится учесть тот факт, что синдикалистские союзы Германии, Швеции и частью Италии, Франции и Испании все более проникаются анархическими идеями и становятся в оппозицию, как идеи „Диктатуры Пролетариата“ политических партий так и отходят от „Диктатуры Труда“ экономических организаций. От формулы же: „Организация производства и распределения продуктов есть дело рабочих организаций“ еще далеко до Диктатуры Труда.

Резолюция же Инт. Синд. Конференции в Берлине говорит дословно следующее: 1) Революционный Интернационал Профессиональных Союзов стоит на точке зрения революционной классовой борьбы и власти рабочего клас-

са“, и 2) Рев. Инт. Проф. Союзов стремится к уничтожению экономического, политического и морального режима капитализма и государства. Он добивается учреждения свободного коммунистического общества.“

На конференции германских синдикалистов, 6—7 марта, 1921 г. делегаты требовали изменения выражения „власти рабочего класса“, при чем тов. Роккер пояснил, что: Мы все понимаем под „властью рабочего класса“ захват экономических средств производства.“

Но так или иначе понимали делегаты конференции 1920 г. выражения своих резолюций, но нам лишь важно то, что синдикалисты не совсем еще оторвались от лозунга „Диктатуры Труда“, которая естественно породит такую же бюрократию в своем проведении в жизнь, как и пресловутая „Диктатура Пролетариата.“ Нам, учитывающим роль профессиональных союзов в строительстве будущего общества, надо всеми силами бороться против распространения этой идеи „Диктатуры Труда“, но выводить отсюда заключение, облачаясь в тогу анархизма и горделиво скрестив руки на груди, что будущий конгресс синдикалистов (он состоится через неделю, 18-го июня) „будет поддерживать Диктатуру Труда“ — более, чем преждевременно.

Второе заключение тов. Грахама вызывает недоумение, ибо лично и в общей резолюции делегаты Инт. Ан. Конгресса высказались против всякой формы диктатуры (нужно только посмотреть мнения делегатов, а в резолюции говорится: „Анархисты всех стран являются противниками всякой диктатуры“,... и Анархисты... являются врагами диктатуры, как справа, так и слева—как буржуазии, так и пролетариата.“)

Третье заключение, или скорее обвинение, заставляет улыбаться и недоверчиво смотреть на методы анализа, прилагаемой тов. Грахамом, для которого слово „синдикализм“ является чем то, вроде красного куса материи торреадора.

О достижениях Конгресса я уже писал в статье „Конгресс окончен.“ и теперь лишь формулирую вкратце: Конгресс указал необходимость организации для успеха анархического

движения и наметил формы таковой с связующим междунар. звеном И. А. Бюро, определив его функции, как осведомительного, а не административного органа (к сожалению оно еще не функционирует, хотя товарищи из Швеции и писали о скором возникновении его;) Конгресс учел общность мнений анархистов всех стран, что мы противники диктатуры и милитаризма, во всех их проявлениях, и Конгресс учел роль экономических организаций рабочих, строительство будущего общества, надо всеми экономической жизни свободного общества.

Конгресс, сквозь дебри мировой войны и российской революции, проложил новый путь для анархического движения, поставив вехи на разветвлениях. Но никакие конгрессы, никакие резолюции не помогут, если организации на местах не сознают необходимости объединения, согласованности в действиях, если организации различных стран не сплотятся на федеративных началах в одно целое общее, где будет место и разнице мнений и разнообразию практических приложений наших сил сообразно личным, групповым и местным условиям. Фракционные расхождения о наибольшей продуктивности приложения наших сил, выработка одного общего стандарта действий — бесплодны и лишь тормозят движение в целом.

К чему плакать, о якобы, затрачиваемой потении анархического движения — говорить о гибели анархистов, работающих в профессиональных союзах, — они, избегая бездействия, находят приложение своих сил там, создавая потенциальную массу новых анархистов или же делая постепенные сдвиги всей массы в этом направлении; к чему пережевывать азбучные истины о том, что Синдикализм — не Анархизм, что каждый эксплуатируемый рабочий — не анархист, а рабочий и т. п. Ведь это ясно, как день! Анархическое движение не есть мертвое тело, над которым можно производить вивисекцию, а нечто живое, растущее вишьрь, вглубь и высь и представляющее своим работникамши рочайшую арену деятельности и обнимающее собою и Ан.-Индивидуалистов, ставящих, духовное единение индивидов выше материального и

Ан.-Синдикалистов, опирающихся на экономическую, материальную основу общества и Ан.-Коммунистов, соприкасающихся с теми и другими, Ан.-Коммунизм, стремящийся к свободе личности и свободе труда, является как бы равнодействующей духовных и материальных запросов личности в обществе, по которой и пойдет строение свободного общества.

Итак шире развернем наш фронт, укрепим его единством конечной нашей цели, и будем вербовать более и более новых рекрутов освободительного движения, где бы мы их ни встречали, где бы ни помогали им сознать себя и

окружающее: на улице, на работе, в рабочих союзах, оставляя в стороне политические организации различных партий, лишь ускоряя их разложение беспощадной критикой, и оставляя в стороне „самодовлеющих“ синдикалистов и „самоудовлетворяющихся“ анархистов, как застоявшееся болото.

Вперед же за работу, за ломку предрассудков и пережитков прошлого, которые дают нас, и пусть каждый индивидуум, каждая группа, каждая организация прилагают свои силы там, где они более всего плодотворны по их мнению.

ВИД.

РЕЗОЛЮЦИЯ А. Н. ГРУППЫ г. НЬЮ ЙОРКА. О СТАТЬЯХ ЭММЫ ГОЛДМАН.

Прочитав заявление Ред. Коллегии в № 28 журн. „Волна“, относительно предложения высказаться всем, по поводу помещения Эммы Голдман анти-большевистских статей в *World'e*, анархо-коммунистическая группа, г. Нью Йорка на одном из своих деловых собраний этот вопрос обесудила (вернее сформулировала, т. к. он поднимался уже неоднократно еще до появления статей в печати, а лишь при их рекламировании), и поставила в известность Ред. Колл. относительно своего решения. Ожидая долгое время и не видя на страницах своего органа обещанного выступления Ред. Коллегии, группа принуждена была о том осведомиться и оказалось, что — Ред. Коллегии воздерживается выступить самостоятельно, а как от Федерации не может, т. к. получились очень немногие ответы групп, да и те столь уклончивы и неопределенны, что почти невозможно заключить: — какое вынесено решение? Одни ссылаются на незнание статей, другие хотят знать все подробности относительно самого помещения и лишь некоторые ответы положительно высказаны, есть среди них (отдельных товарищей) отстаивающие целесообразность поступка Эммы Голдман. Имея все это ввиду, группа не надеется видеть в печати в широком масштабе обзор и детальный разбор интересного, в своем роде, явления в анархическом движении, а посему

решила более не ожидать и выступить на страницах журнала от себя, надеясь этим обратить внимание товарищей на вещи, к которым следовало бы отнестись посерьезнее.

Мнение группы таково же что и мнение Ред. Коллегии, которое уже так ясно было высказано ею в кратком заявлении, а именно: сотрудничество анархиста с буржуазно-капиталистической прессой в борьбе против большевиков ни в какой форме и ни с какими целями недопустимо.

Что же побудило Эмму Голдман поместить свои статьи именно в *World'e*? На этот вопрос дает ответ ее письмо полученное Интернациональной Федерацией помощи анархистам, которая еще до появления статей послала ей каблеграмму с предложением задержать печатание статей в капиталистической прессе, затем вслед же было послано подробное письмо с выражением мнения Федерации о наносимом тем самым вреде всему анархическому движению. Ответ получился уже после помещения нескольких статей в печати, который содержал в себе категорический отказ приостановить печатание, объясняя невозможностью. На вопрос Федерации, почему автор статей не поместил их в анархической прессе Э. Г. отвечает, что поместить их ей хотелось в английской печати, дабы ознакомить с истинным положением в России рабочих говорящих на этом

языке. О существовании какого либо анархического органа на английском языке Э. Г. не знала, „Free Society“ она увидела за несколько недель до появления статей в печати, каковая газета хотя ей и понравилась, но как „имеющая незначительную циркуляцию“ не выполнила бы задуманное автором, а запрошенная либеральная пресса категорически отказалась помещать статьи на своих страницах (какие запрашивались органы — не сообщается). Вот какие объяснения прочитали мы в ответ на запрос Федерации о причине помещения статей в капиталистической прессе. Так ли это? Неужели и в самом деле нет анархической — на английском языке если не в Америке, то в других странах? Да и вообще непонятно желание печатать именно на этом языке, как будто материал вносящий что либо, имеющее цену, в движение — не перепечатывается и не переводится на все языки?

Итак, „не зная“ анархического органа на английском языке и потерпев неудачу в поисках либерального, автор решил поместить их в буржуазно-капиталистической, избрав для того расходящуюся в большем количестве для широчайшего ознакомления масс.

Теперь посмотрим, достиг ли этим автор своей цели? Да нет. И сама Эмма Голдман знает это не менее чем другие. Проживя многие годы в Америке, нам кажется массы рабочих изучены ей достаточно и ей хорошо известно, что большая часть этой массы состоит из эмигрантов, которые не только не в состоянии читать английскую прессу, а и с трудом изясняются на английском языке в необходимых случаях. Что же касается того, что редкий рабочий не покупает *World's* объясняется тем, что эта газета является как бы биржей труда, где каждый может продать свои руки, но минования же в этом надобности газета прекращается покупать, да и в купленной просматриваются лишь объявления. К тому же газета *World* — есть газета партийная, в бытность у власти демократии она была официальным правительственным органом, следовательно если и читалась частью ра-

бочих американцев, то теми на кого статьи произвели как раз обратное впечатление.

Для фанатика — демократа они послужили лишним подтверждением правильности его программы и неприемлимости большевистской, а снабженные еще комментариями и добавлениями всевозможных Стивенсов и Контендов — указывающих, что наконец то и Эмма Голдман сознала неудоваримость программы большевиков в том виде в каком они думали ее провести что ими уже признавалось еще в то время, когда они депортировали Эмму Голдман из Америки, а теперь, с появлением статей и окончательно укрепляются в этом мнении.

Что же читается рабочими Америки? Большинство из них читают или газеты издаваемые на своих языках, или же свою рабочую прессу издаваемую юнионами, союзами и пр. Если в Нью Йорке частица рабочих масс и читает *World*, то провинция его и не видит совершенно, где читается исключительно только что упомянутая пресса; так что здесь то желание Эммы Голдман достигло своей цели меньше чем где либо. Но рабочие не прочитав статей, прочли много о *статьях*, вернее не о *статьях*, о них лишь только упоминается, а о самом поступке, за который бичуется Эмма Голдман. А за ходящий слух, о получении ею от редакции *World's* крупной суммы, к ей имени присовокуплены не совсем лестные для него эпитеты, которые сейчас мы повторять не будем, но и опротестовывать, в случае оправдания слуха — не намерены.

Уделяя большое количество времени для обсуждения всего вышесказанного, к великому огорчению, в самом случае печатания статей в *World's*, хотя по своему содержанию они и заслуживают глубокого внимания — вышеупомянутая группа не находит и намека на какие либо положительные результаты, а во всем видит лишь отрицательные. Разве Эмма Голдман не дала козырь в руки большевикам утверждать справедливость их грязных, ни начем не основанных обвинений, в сотрудничестве анархистов с правыми, чего даже сто процентный пасквильент Я. Яковлев в своем

подобии брошюры „Русский Анархизм в Великой Русской Революции“ лишь намеками ставится набросить тень на анархизм, но не падает утверждать того? Разве не могли бы говорить большевики, если не о всем анархическом движении, то хотя о части, когда было сообщено об Эмме Голдман, как о делегате на Анархический Конгресс от России и только благодаря помещенным в последнее время опровержениям от двух анархических Федераций из России (что группа с некоторым удовольствием отмечает), о непричастности ее к анархическому движению там, дают возможность указать и обвинить им в сотрудничестве Эмму Голдман лишь как личность?

Группа не может не отметить того тяжелого впечатления, которое ощущалось всеми видя труд Эммы Голдман на страницах прессы, представляющей интересы эксплуататоров, той Эммы, которая при прощании с товарищами сказала, которые и сейчас звучат у тех, к которым и которые так много прибавили злости в сердца слушателей, о борьбе с капитализмом в России и по сокрушении его там веря, продолжать борьбу, в Америку. И вот отсутствия после двух-летнего отсутствия.

Ответное письмо Эммы Голдман содержит очень много ценного материала для охарактеризования ее личности по ее же словам, как напр., упрек за безучастное к ней отношение американских товарищей во время ее пребывания в России, она заканчивает так: „...если бы не ее (племянницы — прим. группы) преданность и заботы, возможно что и я была бы вынуждена — как многие другие в России — опорочить свои идеи и идеалы на службе у большевистского правительства.“ (вот

стойкость достойная подражания!), — но это все сейчас не входит в кругозор нашего внимания, поэтому и вопроса углублять не станем.

Зная некоторые адреса тех на кого Эмма Голдман опирается как на советовавших и одобрявших ее за задуманное намерение, был запрошен один редактор анархической газеты, где теперь статьи перепечатываются из World. Берем из его ответного письма один из аргументов, которыми всецело признается тактичность помещения статей именно в World'e:

... „Все те, которые поддерживают большевиков говорят, что эти статьи, печатаемые одновременно с заседаниями Генуэзской Конференции, предотвратят признание большевистского правительства государствами. Мы же напротив — заявляем, что эти статьи убедят державы, что нет разницы в методах между Большевистским правительством и ими и повлияют на них в направлении к признанию...“ Нам кажется, что комментировать эту выдержку не приходится, она сама достаточно ясно говорит за себя, а если статьи помещались действительно как ходатайство перед державами мира о признании Большевистского правительства, мы группа анархистов - коммунистов заявляем, что тогда они не могут быть писаны анархистом.

Вынося свое решение по поводу изложенного выше, группой были даны директивы делегату в Федерацию помощи анархистам настаивать о прекращении пересылать помощь анархистам через комитет, где членом состояла Эмма Голдман, и часть пожертвований куда послалась, а также порывать сношения с подобными комитетами.

Группа Анархистов - Коммунистов г. Нью Йорка.

6-ти МЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ Рев. Ком. Конференции, состоявшейся 9-го июля 1922 года.

по проверке ред. коллегии.

ПРИХОД:

Январь.	
Перенос	284. 35
За «В.»	220. 18

„ литература —	34. 39
Помощ. Анар.	121. 05
Манифест пр.	15. 00
Агитационный фонд	6. 00
Дел. на К.	25. 00
Итого	705. 97
Февраль:	
За «В.»	139. 05

Агит. фонд —	10. 00	За В. —	75. 0
Литер. —	19. 15	Пом. ^{челом} фана —	101. 0
Помощ Анар. —	90. 00	Итого —	464. —
Итого —	258. 20	Март:	
Март:		«В.» —	180. 43
За «В.» —	232. 30	Апрель:	
„ литературу —	42. 60	«В.» —	135. 31
Помощ Анар. —	62. 45	В. Г. —	34. 00
Итого —	337. 35	Пом. Анар. —	105. 45
Апрель:		Итого —	324. —
За «В.» —	372. 60	Май:	
„ литературу —	36. 10	«В.» —	309. 72
Помощ Анар. —	72. 73	Литература —	90. 00
Итого —	481. 43	Пом. Анар. —	52. 50
Май:		Итого —	362. 22
За «В.» —	344. 20	Июнь:	
„ литературу —	39. 05	„В.“ —	183. 35
Помощ Анар. —	68. 07	F. S. —	100. 0
F. S. и В. Г. —	51. 40	Итого —	283. —
Итого —	502. 72	Общий расход:	
Июнь:		Январь —	36. —
За «В.» —	189. 20	Февраль: —	464. —
„ литературу —	24. 85	Март —	180. —
В. Г. —	13. 70	Апрель —	324. —
Помощ Анар. —	106. 67	Май —	352. —
Издание Ж. в Гер. —	89. 75	Июнь —	283. 1
Итого —	424. 17	Итого —	1070. 96
Общий приход:		Общий приход —	2709. 84
Январь —	705. 97	„ расход: —	1970. 98
Февраль —	258. 20	В кассе на 1-е июля —	738. 86
Март —	337. 35	Ревизионная Комиссия нашла все счета в	
Апрель —	481. 43	книгу в полном порядке.	
Май —	502. 72	Члены Р. К. Федор, Ромонов, В. Вино.	
Июнь —	424. 17	ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.	
Итого —	2.709 84		

РАСХОД:

Январь:	
За „В.“ —	199. 14
Агит. фонд —	83. 30
Пом. Анар. —	81. 55
Литература —	1. 96
Итого —	365. 95
Февраль:	
«В.» —	271. 62
Литература —	16. 85

1. Подпись под обращением „Группы русских анархистов в Германии“ (см. „Волна“ №29), помеченная по неразборчивости, А. М. М., следует читать А. Фельдман.

2. В № 30 журнала „Волна“ в статье Волна „Письма о пережитом“ не по вине Ред. Коллегии вкралась досадная ошибка: в нижнем: на странице 8 левая колонка внизу утеряна следующая строка: „...деленный свет, который позволили бы уловить“...